

ТР

УССКИЙ КЛУБ

№11

Ноябрь 2009

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

У

Armavia
Արմավիա

WWW.ARMAVIA.COM

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева, Арсен Еремян, Донара Канделаки, Нина Зардалишвили

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани, Алена Деняга, Нино Цитланидзе

№11
(150)
Ноябрь 2009

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ДАТА	ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ	4
ЮБИЛЕЙ	«ГОРЖУСЬ ТЕМ, ЧТО ВЫРОС В ТБИЛИСИ»	5
ФЕСТИВАЛЬ	«ВСЕ ДЕЛАЙ С ЛЮБОВЬЮ, И ВСЕ ВОССТАНОВИТСЯ...»	8
	ГУРМАН ОТ ЛИТЕРАТУРЫ	10
НОСТАЛЬГИЯ	КОГДА ХОЧЕТСЯ ПЛАКАТЬ – НЕ ПЛАЧУ	12
ПРИЗНАНИЕ	ДОСТОЯНИЕ НАЦИИ	16
РУССКИЙ МИР	« БОГ ПОМОЧЬ ВАМ, ДРУЗЬЯ МОИ!»	20
ЗНАЙ НАШИХ!	ЭКСТРИМ, ТРИУМФ, ПОДВИГ	23
ПАМЯТЬ	«Я БЫЛ ЖРЕЦОМ И ЖЕРТВОЙ...»	26
ИСТОРИЯ	ЛЮБОВЬ И СЕРДЦЕ ЦЕСАРЕВИЧА	30
НАСЛЕДИЕ	КАВКАЗ	34
О, СПОРТ!	БОГАТЫРЬ ГРАНИТА КРЕПЧЕ	38
ШЛЕЙФ ПАМЯТИ	ЖИЗНЬ НА НИТОЧКЕ ШАЛЬНОЙ	42
ПОЗДРАВЛЯЕМ!	ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ	45
ПЕРЕВОДИМ	«Я БЫЛ ОДИНОКИМ ЧЕЛОВЕКОМ»	46
ТВОРЧЕСТВО	«СЧАСТЛИВ ТОТ, У КОГО ЗА РОДИНУ БЬЕТСЯ СЕРДЦЕ»	50
НАШ КАЛЕНДАРЬ	НЕПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ	52
НАМ ПИШУТ	ЧИТАЕМ И ЛЮБИМ	53

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»:

Зураб Абашидзе, Гига Лордкипанидзе, Роин Метревели, Нани Брегвадзе, Джансуг Чарквиани, Гулбат Торалдзе, Важа Азарашвили, Отар Мегвинетухуцеси, Ирма Сохадзе, Гоги Кавтарадзе, Гуджа Бубутеишвили (Грузия), Александр Эбаноидзе, Евгений Табачников, Михаил Носов (Россия), Олег Воловик (Венгрия), Давид Маркиш (Израиль), Валентина Поликанина (Белоруссия), Алексей Цветков (США), граф Петр Шереметев (Франция), князь Никита Лобанов-Ростовский (Великобритания), Михаил Багдасаров (Армения)

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

У наших героев – олимпийских чемпионов, актеров, писателей, переводчиков, участников ставшего традиционным Международного русско-грузинского поэтического фестиваля, деятелей науки и образования, политиков, художников, певцов, танцоров, представителей многих других профессий, есть общий «пропуск» на страницы нашего журнала – любовь к Грузии и России, стремление сохранить то лучшее, что испокон веков лежало в основе русско-грузинских культурных связей, что выдержало испытание временем и не должно быть предано забвению.

Многие журналисты Грузии и России не первый год сотрудничают с «Русским клубом». У каждого читателя есть свои любимые авторы, чьи очерки и интервью они ищут в первую очередь, взяв в руки еще пахнущий типографской краской свежий номер.

Сегодня многие издания могли бы позавидовать тиражу нашего журнала. Радует, что некоммерческое издание порой расходуется так быстро, что к следующему номеру не всегда удается найти хотя бы один экземпляр предыдущего. Его ждут в посольствах, библиотеках, вузах, школах, театрах, во многих учреждениях и регионах Грузии.

Я поздравляю читателей с юбилейным номером нашего журнала! Всем, кто делает его – авторам, редакторам, дизайнеру, фотографам, верстальщику – от всей души хочется пожелать дальнейших творческих успехов, здоровья и счастья в личной жизни.

Как и многие проекты «Русского клуба» издание журнала было бы невозможно без финансовой поддержки благотворительного фонда «Карту», его участие мы ощущаем не только во время проведения масштабных мероприятий, но и в каждодневной работе. С 2009 года издание журнала поддерживает Фонд «Русский мир» К теплым словам благодарности фондам присоединяются и читатели полюбившегося журнала «Русский клуб».

Он растет и развивается вместе с нами. Пожелаем же ему дальнейшего роста, новых имен, тем и сохранения своего основного направления – поддержания диалога культур как верного пути к миру и взаимопониманию между народами.

Президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб», руководитель проекта по изданию журнала «Русский клуб», заслуженный деятель искусств РФ
Николай СВЕНТИЦКИЙ

Евгений Примаков

«ГОРЖУСЬ ТЕМ, ЧТО ВЫРОС В ТБИЛИСИ»

ЕВГЕНИЙ ПРИМАКОВ РОДИЛСЯ В КИЕВЕ, НО ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ПРОВЕЛ В ТБИЛИСИ, КУДА ЕГО МАМА, АННА ЯКОВЛЕВНА, ПЕРЕЕХАЛА ВСКОРЕ ПОСЛЕ РОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА. «Я ГОРЖУСЬ ТЕМ, ЧТО ВЫРОС В ГРУЗИИ, И ГРУЗИНЫ - СРЕДИ МОИХ БЛИЗКИХ ДРУЗЕЙ», - СКАЗАЛ ЕВГЕНИЙ ПРИМАКОВ В ОДНОМ ИЗ ИНТЕРВЬЮ, ДАВАТЬ КОТОРЫЕ ОН ВООБЩЕ НЕ БОЛЬШОЙ ЛЮБИТЕЛЬ. А ОДНАЖДЫ ПРИЗНАЛСЯ, ЧТО ИЗ ВСЕХ СВОИХ МНОГОЧИСЛЕННЫХ РЕГАЛИЙ ОСОБО ВЫДЕЛЯЕТ ЗВАНИЕ ПОЧЕТНОГО ГРАЖДАНИНА ТБИЛИСИ.

Дорогие читатели!

Перед вами юбилейный, пятидесятый номер журнала «Русский клуб». В октябре 2005 года, завершив празднование 160-летнего юбилея русского театра в Грузии, мы решили начать издание нового общественно-художественного журнала. У него должно было быть свое, неповторимое лицо.

Признаюсь, журнал «Русский клуб» состоялся. Его с удовольствием читают в Грузии, России, Армении, Азербайджане, во многих странах Европы, Америки, о нем знают даже в Австралии, словом, везде, где живут выходцы из нашего любимого города Тбилиси. Его пересылают своим друзьям и знакомым члены «Русского клуба», многие тысячи других заходят на наш сайт и знакомятся с его электронной версией. Во многих семьях журнал бережно хранят и время от времени возвращаются к его публикациям. Их число приближается к тысяче!

старалось не доводить дело до конфликтов. Дома Анна Яковлевна была заботливой и ласковой. Да и сын старался не огорчать ее – несмотря на живой, непоседливый нрав, учился всегда хорошо, отдавая среди предметов предпочтение математике, литературе и истории. По сей день он сохранил самые теплые воспоминания о школе, уровень преподавания в которой, по его же собственным словам, был настолько высоким, что выпускники без особого труда и без всякой протекции с успехом выдерживали экзамены в самые престижные вузы некогда огромной страны. Через вступительные экзамены в один из труднодоступных вузов Москвы пройдет после окончания тбилисской 11-й мужской средней школы и молодой Евгений Примаков. Но до того ему предстоит поучиться в Баку, в Военно-морском подготовительном училище, куда подросток поступил, закончив семилетку, по собственному страстному желанию. Он был отчислен из мореходки через два года из-за проблем со здоровьем. А в 1948 году стал студентом арабского отделения Московского института востоковедения, после окончания которого закончил аспирантуру экономического факультета Московского университета.

Трудовую биографию Евгений Максимович начинал журналистом, и впоследствии не раз говорил, что эта работа очень помогла ему в будущем. Благодаря СМИ, отмечает Евгений Максимович, в нем развилось чувство ответственности за каждое написанное слово. «Я до сих пор свои доклады пишу сам, и мои книги никто за меня не пишет», - с гордостью признается он сегодня. Опыт работы журналистом у него действительно огромный и разносторонний. В Гостелерадио СССР он прошел путь от корреспондента до главного редактора Главного управления радиовещания на зарубежные страны. Затем была газета «Правда», где Евгений Примаков был литературным сотрудником, обозревателем, собственным корреспондентом на Ближнем Востоке.

Ему удавалось совмещать напряженную журналистскую деятельность с плодотворной научной и преподавательской работой. В 1970 - 1977 годы Евгений Максимович - заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР, в 1977 - 1985 годы – директор Института востоковедения АН СССР и одновременно профессор Дипломатической академии. А в 1985 - 1989 - директор ИМЭМО АН СССР.

Он член Президиума Российской Академии наук. Во второй половине 80-х годов прошлого века Евгений Максимович пришел в большую политику. На волне перестройки для такого человека это был вполне органичный шаг. Занимаясь научным трудом и будучи куда как успешным в карьере, Евгений Максимович, тем не менее, прекрасно видел существовавшие недостатки, и не то, чтобы открыто боролся с ними, но по своему нередко им противостоял. «Система была устроена очень жестко, - признавался он позже. - Трудно было преодолеть страх перед партийной дисциплиной. Я и мои друзья не были революционерами, но были, что называется, «диссидентами системы». Мы не выходили

с плакатами на улицу. Но расшатывали догмы аналитическими «фомками». Один из примеров: установкой ЦК КПСС и советской пропаганды было то, что капитализм - это путь к мировым войнам, а интеграция в Западной Европе ведется с целью создания экономической базы для НАТО. Мы же в публикациях ИМЭМО утверждали, что интеграция - это объективный ход европейской истории, а капитализм не так уж и обречен».

Награждение Евгения Примакова

В сентябре 1991 года Евгений Примаков возглавил Первое главное управление КГБ СССР. Был руководителем Центральной службы разведки СССР, директором Службы внешней разведки России. Несмотря на то, что некогда мощнейшая структура КГБ после прекращения существования Советского Союза начала распадаться, Служба внешней разведки, благодаря Евгению Примакову, продолжала работать, избежала чисток и сокращений. В то время его и стали за глаза называть «ликвидатором аварий» за умение справляться с поставленными перед ним задачами любой степени сложности. Это свое качество он в полной мере проявил и после, будучи министром иностранных дел и премьер-министром Российской Федерации.

В должности главы российского правительства Евгений Примаков был утвержден в один из самых трудных периодов в новейшей истории РФ - 11 сентября 1998 года, после дефолта и отставки правительства, возглав-

ляемого Сергеем Кириенко. Считается, что он был призван в качестве «политического слесаря», чтобы спасти «всероссийскую квартиру» от бед. И ему это вполне удалось. За восемь месяцев, в течение которых Евгений Максимович занимал этот пост, в стране были созданы условия для выхода из острейшего кризиса.

В декабре 1999 года Евгений Примаков впервые официально заявил о намерении баллотироваться на пост президента России в 2000 году, хотя, незадолго до президентских выборов сам отказался от участия в них.

Академик Примаков – кавалер многих советских, российских и зарубежных орденов и медалей, лауреат Государственной премии СССР, премий имени Насера, Авиценны, Джорджа Кеннана, Международной премии имени Гуго Грюция, которая присуждена ему «за огромный вклад в развитие международного права и за создание доктрины многополярного мира» и международной премии «Золотой Водолей» в номинации «За честь и достоинство». Он автор множества научных трудов, а также книг «Годы в большой политике», «Восемь месяцев плюс...», «Минное поле политики», «Мир без России? К чему ведет политическая близорукость». Последняя увидела свет в нынешнем году.

Он никогда не терял контактов с краем, который считает родным. В числе друзей Евгения Максимовича – множество его земляков, и тех, кто продолжает сегодня жить в Грузии, и тех, кто живет за ее пределами, как, например, главный кардиохирург Москвы Давид Иоселиани, с которым его связывает давняя дружба. В числе близких друзей Евгения Примакова был выдающийся грузинский мыслитель Мераб Мамардашвили.

Еще на третьем курсе Евгений Максимович женился на студентке Грузинского политехнического института Лауре Харадзе, с которой прожил почти 37 лет, очень нелегких, но счастливых. После замужества она переехала учиться в Москву, на электромеханический факультет Химико-технологического института имени Д. Менделеева. Особенно трудно пришлось, когда в семье появилось пополнение. Своего жилья у молодых тогда еще не было. А комнату семье с ребенком сдавали не очень охотно. Все, кто знал Лауру Харадзе, вспоминают ее, как удивительную женщину, прекрасно образованную, эрудированную, хорошо разбирающуюся в искусстве. Она никогда не кривила душой, не выносила лицемерия. Была интернационалистом по убеждениям и искренне восхищалась лучшими чертами грузинского и русского народов. Память о ней свято чтит и нынешняя супруга Евгения Примакова – Ирина Борисовна, которая была лечащим врачом нынешнего президента ТПП РФ, очень неудобного пациента, постоянно пропускавшего обязательные медицинские освидетельствования и процедуры.

Евгений Максимович до сих пор поддерживает отношения с родными первой жены, к которым раньше приходилось и за помощью обращаться. В далеком 1975 году, например, во время довольно сложных советско-американских переговоров появилась идея пригласить партнеров из США в Тбилиси, на неформальный ужин в семью к родственнице – профессору Тбилисской консерватории Надежде Харадзе. И хоть жила она, как и многие грузинские интеллигенты, небогато, даже сервис пришлось у соседней одалживать, гости остались очень довольны вечером, проведенным у нее в доме, за прекрасным грузинским столом, в искренней, радушной атмосфере. Они засиделись до трех часов ночи. И надолго сохранили об этой встрече самые теплые воспоминания.

Будучи одним из тех, с чьим приходом во власть в политическом истеблишменте России возродилось понятие «государственник», Евгений Примаков остро переживает то, что происходит сегодня в российско-грузинских отношениях. «Я не мыслю себе, - говорил он в

дни, когда в России началась компания против проживающих там выходцев из Грузии, - что наши отношения могут застыть на сегодняшнем уровне. Нельзя смотреть безразлично, когда некоторые исполнители, а я уверен, что это не линия высшего российского руководства, ведут себя постыдно, непристойно в отношении грузин вообще. Да, среди грузин есть и такие, кто заслуживает негативного отношения к себе - криминальные элементы, люди, нарушающие законы страны пребывания. Но преобладающая часть грузин, проживающих в России, это честные люди, достойные большого уважения, приносящие пользу России. Уверен, что и преобладающая часть грузин исторически испытывают теплые чувства к русским».

Такова позиция Евгения Примакова в этом вопросе, с которой он последовательно согласовывал свои действия, занимая ведущие посты в российской власти. Именно он, человек, который, по его же собственным словам, «никогда не считал возможным для себя поступать не по-мужски», в 1997 году сумел привезти в Тбилиси тогдашнего лидера Абхазии Владислава Ардзинба, который провел в грузинской столице переговоры с представителями политического руководства страны того времени. Позитивных результатов на этих встречах достичь не удалось, но многие аналитики считают, что мир между грузинами и абхазами в те дни был ближе, чем когда бы то ни было после начала конфликта. А в 2007 году во время последнего визита в Тбилиси в ранге президента ТПП РФ Евгений Примаков вел переговоры о возвращении грузинской продукции, прежде всего вина и минеральных вод на российский рынок, прекрасно понимая, какой тяжелой была потеря этого рынка для неокрепшей экономики Грузии.

Увы, последующие события развивались совсем по другому сценарию. Пропать между нашими странами сегодня оказалась глубже, чем была два года назад, что не может не отзываться болью в сердцах истинных патриотов и Грузии, и России. Нам всем предстоит еще много сделать, чтобы найти пути навстречу друг другу, используя колоссальный потенциал взаимной человеческой симпатии, единоверия, долгой общей истории, взаимовлияния культур, существующий у наших народов. Этой благородной задаче служит по мере сил и журнал «Русский клуб», который от имени всех своих читателей поздравляет Евгения Максимовича Примакова с юбилеем, желает ему долгих лет жизни, крепкого здоровья и успехов во всех его начинаниях.

Дэви БЕРДЗЕНИШВИЛИ

«ВСЕ ДЕЛАЙ
С ЛЮБОВЬЮ, И ВСЕ
ВОССТАНОВИТСЯ...»

Евгений Табачников и Николай Свентицкий

Табачников Евгений Семенович родился в 1940 году в Москве.

Выпускник исторического факультета МГУ. Работал в Комитете молодежных организаций СССР. С отличием окончил Академию общественных наук. С 1984 года работал в Союзе советских обществ дружбы с зарубежными странами. Был первым директором Дома советской науки и культуры в Берлине. В 1987 году занял пост главного редактора Международной дирекции фотовыставок ССОД. С 1992 года – представитель Росзарубежцентра в Болгарии, а с 2003 – в Литве. В 2000-2003 Е.С. Табачников – Генеральный секретарь Российской ассоциации международного сотрудничества (РАМС). Руководил Домом дружбы в Москве. Член Союза журналистов СССР и РФ. Государственный советник II класса. С 2008 года – Исполнительный секретарь Международного Совета российских соотечественников.

- Международный Совет российских соотечественников принял участие в организации третьего русско-грузинского поэтического фестиваля, поддержал его. Каковы ваши впечатления от увиденного, услышанного?

- Времена сейчас сложные, трудные. И, как вы знаете, когда человек выходит с какой-то инициативой, первой, как правило, звучит фраза: «Замечательная идея! Но средств нет». Но на ценные идеи просто необходимо откликаться. А ценность этого фестиваля в том, что он – ответ на трудные вопросы сегодняшнего дня и вообще необыкновенно созвучен нашему времени. В первую очередь мы должны отметить деятельность грузинской стороны, «Русского клуба» и его президента Николая Николаевича Свентицкого, которому низкий поклон, потому что они и инициаторы, и блестящие исполнители

блестящей идеи. Я понимаю, как было сложно организовать и провести подобное мероприятие впервые, но теперь удалось провести это и в третий раз, и от этого фестиваль не стал ни бледнее, ни хуже. А всякая бледность или худость зависит от привлечения людей. И значение этого фестиваля прежде всего заключается в значимости его участников и гостей.

- В персоне.

- Именно. Сюда приехали очень серьезные деятели литературы и культуры из разных стран, люди, говорящие на русском языке, и это то, что является базовым и для нашей организации – русский язык и русская культура. При этом не надо забывать, что русская культура в многонациональной стране исторически жила не только на русской литературе, но и на литературе многих других национальностей, потому что культура как губка, и она питалась этими соками. И как бы мы не относились к советскому строю, это все же был период если не расцвета национальных культур, то по крайней мере, их развития, например, национальные языки не уничтожались, а наоборот, многие народы получили в тот период свою письменность, образование... Сейчас все меняется, да мы и сами меняемся. А фестиваль позволяет не только наладить новые связи, но и укрепить прежние и сохранить самые ценные из традиций прошлого. Ведь мы жили на одном большом пространстве, вместе вкалывали, вместе создавали, вместе воевали за родину... Но главное – вместе создавали. И созидательная мысль, которая присутствует на этом фестивале, она самая главная. Причем мне произвольно пришел в голову эпизод из фильма «Отец солдата». Помните: «Ты лозу эту сажал, ты ее растил? Зачем же ты танком наезжаешь на нее?» А у нас получается так – все выдрали, все разломали. Мы теряем, не используем многолетнее

культурное наследие – а ведь ничего другого у нас нет.

- Какой вы видите роль культуры в нормализации человеческих отношений? Не метафизический ли это, как сегодня многие считают, вопрос?

- Это не метафизический, а очень реалистический вопрос. Ну вот, какова роль этого фестиваля? Она очень многопланова. Первый план – это встречи людей, профессионалов в своей области. И эти встречи очень важны – это и обмен опытом, и школа профессионального мастера для молодежи, мастер-классы, где люди общаются на совершенно ином уровне, где складываются партнерские отношения, то есть более опытный и менее опытный партнеры, а не просто учитель-ученик. Это огромная школа, огромный опыт. Второй план фестиваля – встречи с общественностью, публичные выступления. Но вот вчера на сцене Дома культуры в Уреки выступили представители «Молотка» – «молоткастые», но не «серпастые» молодые поэты, и второе отделение целиком состояло из переводов грузинских поэтов на русский язык. И это замечательно! Как сумеет обогатиться русский человек грузинской культурой, как ему узнать о сегодняшней Грузии, если не через интересных людей, умеющих точно выразить интересную мысль? Поэтому очень важно, что этот элемент присутствует на фестивале. На чтениях «Стихи у моря» мы слушали строки Шота Руставели на голландском языке – как это было музыкально, красиво, как великолепно звучало, какая мелодика поразительная! Вот это и есть ответ на ваш вопрос, в этом и состоит роль культуры – в духовном сближении людей, в расширении их познаний относительно друг друга. Вы спрашивали меня о моих впечатлениях. Вот это они и есть. Мне даже трудно их выразить точными словами, меня переполняют чувства – от моря, от природы, от встреч с людьми... Я почувствовал здесь реаль-

переосмыслить, пропустить через себя, через свой жизненный опыт. Зачем же вместе с грязной пеной выбрасывать ребенка? Ведь суть заключается в том, что всегда было, присутствовало в наших отношениях. Вот вчера я посетил музей Маяковского в Багдаде. Что меня поразило? Он жил в доме, который его семья снимала у местного грузинского жителя, и они жили вместе. Когда мы были, например, в Индии, то ни разу не наблюдали, чтобы англичанин жил вместе с индусом. А тут... Как они жили дружно, одной семьей... Так, как дружно жили и наши страны на протяжении столетий.

- Мне кажется, что ваши прогнозы на ближайшее будущее будут оптимистичными.

- Они будут реалистичными. Я очень долгие годы работал в Германии. Уж какой водораздел был между нашими странами, народами! А какие сейчас взаимоотношения? Жить все время с ненавистью к соседу нельзя. Либо надо до конца поубивать друг друга, либо начинать новую жизнь. А поскольку сегодня никаких внутренних мотивов для вражды у нас нет, все должно быть так, как и должно быть. Люди должны находить общий язык. А общим языком как раз и является культура. Этот фестиваль называется «В поисках Золотого руна». А современная жизнь проходит зачастую в поисках золотого тельца.

- Кому руно, кому телец. И кто богаче?

- Однако культура все равно приходит или к спонсору, или к государству. Это реальность. Не проживет интеллигентный человек, который пишет замечательные стихи, сам по себе. Но я говорю об ответственности творческих людей – что сделал, за то и отвечаю. А то призвал и убежал. Мы работаем в области мировоззрения. Что такое писатель, поэт? Они формируют мироощущение, мировосприятие. Не у всех есть возможность, как

у вас, дать всему самостоятельную оценку. А Данко, разрывающего свою грудь и достающего сердце, я что-то не встречал. Если нет внутренней ответственности творческого человека – это трагедия.

- Вы единственный из гостей фестиваля заговорили об ответственности людей культуры.

- Ну, а вы, наверное, подумали, что перед вами чиновник бездушный. Нет. У этого фестиваля будет долгая жизнь, без всякой демагогии. Мы, Международный Совет российских соотечественников, в этом, конечно, заинтересованы. Мы – это 123 организации в более 50 странах мира, у нас очень много молодежных структур. Мы надеемся, что фестиваль будет носить системный и тематический характер, что процесс общения не прекратится и что в своей сердцевине он останется именно русско-грузинским. На первом фестивале присутствовал председатель президиума нашего Совета граф Петр Петрович Шереметев. А сейчас мы привезли приветствие от нашей организации, которое я зачитал на открытии фестиваля и к которому добавил слова от себя: «Я присутствую на третьем фестивале, но хотел бы побывать и на десятом». То есть, мы обозначаем перспективу на семь лет, а это как раз тот период, за который, как говорят у нас в народе, все устаканится, все станет на свои места. Семь лет достаточно для того, чтобы многие неправильные вещи ушли. Не надо революционизировать этот процесс, он должен быть осознанным. Но усилия надо прилагать. И фестиваль – это как раз те усилия, когда и грузинская, и российская культурная общественность хотят, не предъявляя друг другу претензий, изжить все неверное.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

На озере Палиастоми

ную доброжелательность, и не только когда приходишь к соотечественникам, а просто на улице – люди нам рады, у них взгляд не жесткий, а добродушный, естественный, будь то на рынке или в музее... Это удивительная вещь – здесь все делается с любовью. Я так и понимаю: все делай с любовью и все восстановится.

- Замечательная формулировка.

- Да это библейские истины, просто я пытаюсь их

ГУРМАН ОТ ЛИТЕРАТУРЫ

Алексей Пурин

ГОВОРЯТ, КАЖДЫЙ НАСТОЯЩИЙ ПОЭТ ТВОРИТ СВОЙ МИР – СЛОЖНЫЙ И ОДНОВРЕМЕННО ПОНЯТНЫЙ. ПРО АЛЕКСЕЯ ПУРИНА ГОВОРЯТ, ЧТО ОН ВИДИТ ОКРУЖАЮЩЕЕ В ОСОБОМ РАКУРСЕ. ЧЕТКО, ОСОЗНАННО И ПО-СВОЕМУ. АЛЕКСЕЙ ПУРИН УЧАСТВОВАЛ В РАБОТЕ III МЕЖДУНАРОДНОГО РУССКО-ГУЗИНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ФЕСТИВАЛЯ. НО ЕГО ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ С ГРУЗИЕЙ НАЧАЛИСЬ РАНЬШЕ. ЕЩЕ В 1990 ГОДУ В ТБИЛИСИ ВЫШЕЛ В СВЕТ ПОЭТИЧЕСКИЙ СБОРНИК «МОСТ: МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ ТБИЛИСИ И ЛЕНИНГРАДА», ГДЕ БЫЛИ И ЕГО СТИХИ. В ПОЭТИЧЕСКОМ АКТИВЕ ПУРИНА НЕ ОДИН СБОРНИК, ОТМЕЧЕННЫЙ КАК КРИТИКАМИ, ТАК И ЧИТАТЕЛЯМИ: «ЕВРАЗИЯ», «АРХАИКА», «СОЗВЕЗДИЕ РЫБ», «СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ», «НЕРАЗГАДАННЫЙ РАЙ».

- Как изменился за последнее время журнал «Звезда», в котором вы заведуете отделом поэзии и критики?

- «Звезда» - старейший из ныне существующих толстых журналов. В этом году ему исполнилось 85 лет. В 1924 году он был создан как орган для «попутчиков» - интеллигентов. В нем печатались Мандельштам, Ахматова, «Серapiоновы братья», Зощенко... До середины 30-х годов «Звезда» была отдушиной для нормальной литературы. Потом гайки закрутили. Но кое-что редакторам удавалось «протаскивать», и 1946-м журнал про-

славился на весь культурный мир, благодаря Постановлению ЦК ВКП(б), развязавшему травлю Ахматовой и Зощенко, опубликованных на страницах «Звезды». На этот раз гайки закрутили еще крепче, и до перестройки «Звезда» была одним из самых скучных журналов. Сегодня мы стараемся, чтоб он был неплохим, имел специфику, «петербургское», что ли, лицо - «необщее выражение».

- Насколько конкурентоспособны толстые журналы сегодня?

- Нисколько. Культура вообще неконкурентоспособна: как пшеница и рожь - в сравнении с сорняками. Нужны усилия, затраты. Чьи? Общества, государства. Не надо давать деньги журналам, а надо, как в нормальных странах, дать возможность подписываться за государственный счет государственным библиотекам, университетам, школам. А пока что Министерство печати придумывает для поддержания толстых журналов гранты под «важные» темы - патриотизм, борьба с терроризмом. Видимо, пытаются найти национальную идею.

- Нашли?

- Культура России - великая культура. И именно этим нужно гордиться. Но нынешнее «политбюро» строит другую картинку: Александр Невский, Александр Пушкин, Иосиф Сталин (ратник - поэт - вурдалак).

- То есть, необходима государственная стратегия культуры?

- Конечно. К примеру, 20-30 лет назад существовала массовая индустрия перевода. В России все культурные люди знали современных грузинских поэтов, и наоборот. Да, это был госзаказ. Я не считаю, что в области культуры это плохо. В крохотной Голландии есть Фонд продуцирования и перевода голландской литературы - он оплачивает переводы художественной литературы с голландского на любой язык и с любого языка на голландский (подходит строго и взвешенно, но не жмотски, не по «отстаточному принципу», как у нас).

- Чем альманах, который вы редактируете, отличается от остальных литературных журналов?

- Название альманаха «Urbi» придумал мой приятель Кирилл Кобрин. Он издал три номера в Нижнем Новгороде. Потом у нас появился спонсор, и альманах стал выходить в Петербурге примерно четыре раза в год. Разница в том, что в «толстом» журнале всего не напечатается. Иногда хочется дать что-то более рискованное, рискованное, менее однозначное. Поэтому «Urbi» был площадкой, отличной от толстого журнала, в каком-то смысле способствующей развитию литпроцесса. Начиная с 1996 года, вышло более шестидесяти выпусков альманаха. Они разные - чисто альманашные, сейчас по большей части - это авторские книги стихов или эссеистики.

- И все же, кто сейчас основной читатель толстых журналов?

- Думаю, сейчас те, кто пишут, те и читают. В основном. Ситуация сильно изменилась за последние годы. С прозой, публицистикой, публикациями наследия дело, возможно, обстоит и не так плохо, а с поэзией - увы, так. Но толстые журналы все-таки стараются давать реальную картину сегодняшней поэзии. Если же вы зайдете в книжные магазины, то увидите на прилавках отдела поэзии - из ныне живущих - только книги телезавсегдатаев, артистов и песенников.

- Как вы думаете, бывают гурманы от литературы?

- Конечно. Я бы и себя отнес к ним. Гурман - это правильное понятие. Надо разбираться, что кладезь в рот или в голову. Всякую всячину - нельзя. К сожалению, содержимое всего медиа-пространства сегодня на 98 процентов - это литературный фаст-фуд. Дешевый и всем понятный. От него сразу не умрешь, конечно, но ничего хорошего он не даст.

- Вы упомянули петербургскую поэзию. А чем она отличается, к примеру, от московской?

- Русская поэзия - только петербургская. По простой причине - русская силлабо-тоническая поэзия родилась в Петербурге в 1739 году, когда М. Ломоносов написал «Оду на взятие Хотина». У нее петербургский генезис, кроме того ни один город так не отражен в русской поэзии (Пушкин, Блок), как Петербург. Хотя в нынешнем Петербурге поэзия тоже очень разная. Кто-то придерживается классических канонов, кто-то ищет новые пути... И не важно, где живет поэт: если он развивает державинско-пушкинскую, грубо говоря, традицию, он - поэт петербургский. Приехавшие на нынешний фестиваль Алексей Цветков, Борис Херсонский, Максим Амелин, Сергей Надеев, Александр Кабанов, Ирина Ермакова - «петербургские» поэты, традиционалисты-новаторы.

- А вы?

- Я пытаюсь быть традиционалистом-новатором, потому что знаю границы, в которых надо существовать. Пытаюсь идти в глубину, не раздвигая горизонтальных границ.

- Как бы вы оценили современные русско-грузинские литературные отношения?

- То, что в состоянии прискорбного межгосударственного раздрая эти три фестиваля прошли, - несомненное благо. Какую-то лепту они непременно внесли в поддержание нормальных взаимоотношений наших традиционно дружественных культур, людей, к этим культурам как-то причастным. За что большое спасибо организаторам! Почва взаимной грузинско-русской любви и взаимоуважения жива и плодотворна - надо только ее не забрасывать, возделывать - наперекор дурной политической погоде. Я очень рад, что и мои российские друзья этим озабочены: и в московских, и в питерских журналах в последние годы появилось много переводов современных грузинских поэтов. Эти «воздушные пути» не рушатся.

- А русские поэты получают возможность писать о Грузии.

- Муза приходит, когда хочет. За последние три года я написал о вашей стране три стихотворения. В Грузии глаза разбегаются, до пера руки не доходят. Чувствуешь, что необходимо это «воспеть». Грузия - безумно красивая страна.

- Вы даже выпустили книжку о Грузии?

- Не я - «Звезда». Главный редактор журнала Яков Гордин в последние годы серьезно занимается историей взаимоотношений России и Кавказа. Мы выпустили уже около двадцати книг, и последняя из них - новое издание «Присоединения Грузии к России» грузинского князя, историка, дипломата, политического деятеля З. Д. Авалишвили (Авалова). Эта книга вышла в дореволюционной России, а потом переиздавалась в эмиграции. Это - документальный рассказ о трагической истории борьбы амбиций и случайностей вокруг в целом правильного выбора тогдашней грузинской элиты.

- Кого вы больше всего любите из грузинских поэтов?

- Очень многих - от Руставели, через девятнадцатый век (Александр Чавчавадзе, Бараташвили, конечно, Илья Чавчавадзе...). Мне также очень интересны Важа Пшавела и Давид Гурамишвили - нечто архаическое. У них специфическая строфика. Табидзе - Галактион и Тициан! Симон Чиковани... Но всех их я читал в переводе, увы, - хотя русские поэты (и великие!) очень много сделали, чтобы это врезалось не только в память, но и в сердце. Из современных я знаю только тех, с кем познакомился на фестивалях - Звиада Ратиани, Шота Иаташвили, Нико Гомелаури, Нику Джорджанели.

- В чем специфика грузинской поэзии, на ваш взгляд?

- В грузинском языке нет отчетливого ударения. Специфика совершенно другая, чем в русской силлабо-тонической поэзии, поэтому она рождает другую интонацию. А интонация - это главное, что определяет стихи. Даже сквозь перевод это каким-то чудом заметно. Грузинская поэзия выглядит своеобразной на фоне русской. Я заметил, что современные голландские поэты читают свои стихи тоном протестантского пастора, арабы - как муэдзин, русские - как поп, грузины же - так, как будто они произносят тост.

- Чем же тогда стихотворение как текст отличается от прозы как текста?

- Тем, что проза одномерна, линейна. А стих двухмерен - он ограничен еще и по горизонтали. И грузинские, и польские, и французские стихи остаются стихами, пусть и не похожими на русские или немецкие. Если это стихи. Я придерживаюсь традиционных понятий: стул должен быть стулом, женщина - женщиной, а стихи - стихами.

- Как появился ваш двуязычный сборник «Снегирь»?

- Считаю большой удачей, что меня пригласили на ежегодный Роттердамский поэтический фестиваль в 2001 году. Это довольно знаменитое мероприятие, на нем несколько раз бывал Бродский. А до этого я побывал там же на специальном симпозиуме по петербургской поэзии. Так, в результате этих двух литературных форумов в Голландии, у меня получилось два раза по десять-пятнадцать переведенных стихотворений. Их и решено было издать отдельной книжкой. Переводил оба раза мой приятель Ханс Боланд. Он же, кстати, перевел на голландский все стихи Пушкина, кроме «Евгения Онегина». Причем в рифму!

- Чем определяется тематика ваших стихов?

- На мой взгляд, любой настоящий поэт занимается исключительно вопросом собственного поэтического бессмертия. А всем, в лучшем случае, кажется, что это стихи о любви и смерти. Я тоже стараюсь в меру сил. Вопрос поэта в том - весь я умру или нет.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

Я хочу, чтоб остался,
Совсем не ушел
Мир, увиденный
Только моими глазами,
Мир, услышанный
Только моею душой...

Юрий Айхенвальд

КОГДА ХОЧЕТСЯ ПЛАКАТЬ – НЕ ПЛАЧУ

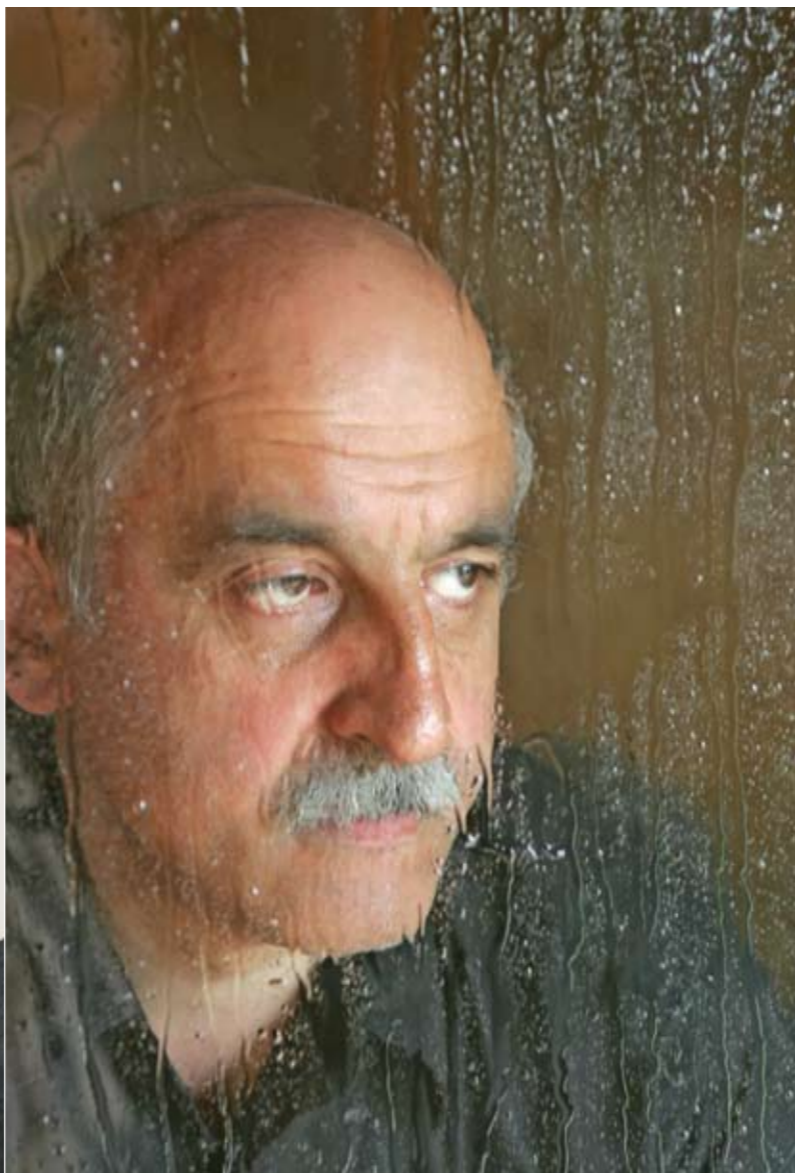
Когда бываю в Тбилиси, обязательно захожу на кладбище Петра и Павла. Там, в тесноте могил, под высоким раскидистым кустом сирени за чугунной оградой установлен скромный мраморный обелиск. На обелиске - ни имени покойного, ни дат рождения и смерти. Только два единственных слова: «Сказка окончена». И тогда я вспоминаю Ашота, старого тбилисского армянина, не так давно ушедшего из жизни. И подступает комок к горлу...

Ашот был один из тех, кого приютил в семнадцатом Тифлисе, спасая от безумия резни.

Мой отец, говорил мне Ашот, бежал от турок вместе с отцом Шарля Азнавура. Мне повезло больше. Я попал в Тбилиси.

Он прожил в Тбилиси всю свою жизнь, никогда не покидая его, не считая тех злосчастных годов, когда был репрессирован и сослан в Сибирь рубить и сплавлять лес. Тбилиси вошел в его плоть и кровь, проник в его сердце и остался там навсегда.

Жил Ашот в районе Ортачала, слыл отличным масте-

Ника Квицинадзе

ром по обуви, воспитал и поднял на ноги трех дочерей. Жил скромно, на пенсию, то есть на четырнадцать лари (семь долларов) в месяц. Жил со своей супругой Маргаритой, с которой частенько переругивался (Кошмар! Одни женщины в доме. Не могла мне сына родить?), но которую беззаветно любил. Жил среди любимых вещей, таких как персидский ковер или старинные французские настенные часы с боем, сломанный патефон или расстроенное пианино «Красный Октябрь», которыми мог любоваться до бесконечности. Все это находилось в одной небольшой комнате старого каменного дома, где он жил со своей семьей, с кухней на открытой деревянной веранде и удобствами во дворе. Его несколько не смущала теснота жилища и другая неустроенность быта, как не смущало это и его домочадцев, которые привыкли жить все вместе, не упуская из поля зрения друг друга, – таким сильным было их взаимное притяжение.

Вспоминаю, как ждал он меня по воскресным дням, проявляя расторопное нетерпение, потому что именно в воскресенье я должен был сопровождать его в знаменитые серные бани на Майдане. Других бань он не признавал. Он не принимал душой многое из того, что нес с собой «этот безумный мир», и слова «сауна» или «гамбургер» звучали для него как нечто абстрактное и пустое.

Вечно ты запаздываешь, Кола-джан, с напускной сердитостью ворчал он мне с порога, спускаясь по вет-

хим деревянным ступенькам такого же ветхого дома с надтреснутыми от землетрясения стенами. А я невольно любовался его величавым видом – так спускаются президенты по трапу самолета.

Он был статен, красив, Ашот, ходил прямой горделивой походкой и никому в голову не приходило, что этот седовласый мужчина уже давно разменял семьдесят лет.

Смерти нет, есть ожидание смерти, рассуждал Ашот в бане, время от времени побрякивая от удовольствия, когда джамадары (банщики), кинув нас на лавку, как какую-то вещь, начинали ломать нам суставы, колотить нас по спине, по бокам, по груди. Человек вынужден бояться того, чего не существует. Глупо, да? Какой вывод? Жить надо легко, понимаешь, вот как сейчас, в бане – расслабься и пари. И не жди от людей слишком много. И не оглядывайся назад.

Он так и жил, как певчий дрозд, легко. И не изменил себе даже тогда, когда страшная, неизлечимая болезнь безжалостно и неотвратимо скрутила его. Молча, с яростным спокойствием он сражался с ней до последнего, отгоняя саму мысль о смерти, не допуская в разговора с близкими даже намека на недуг и не переставая радоваться жизни.

Это правда, что Ашот был самым радостным человеком, которого я когда-либо встречал. Он мог одинаково радоваться таким вещам, как рождение ребенка или выигрыш в лотерею или солнце, вышедшее из-за тучи,

или дружелюбное повизгивание бездомной собаки. И хотя он никогда не выигрывал больше, чем на лепешку грузинского хлеба - лаваша, он неизменно всегда пребывал в восторге, как ребенок, от любой приятной мелочи.

А как он любил гостей! Как только кто-либо появлялся в проеме калитки, он уже распорядился, чтобы накрыли стол. Любопытно было наблюдать, как буквально из ничего, на белоснежной скатерти стремительно появлялось все необходимое для настоящего грузинского застолья – сыр сулгуни и трава тархун, сациви и пхали, ткемали и хачапури...

Он садился во главе стола, как царь, величаво оглядывал гостей, поднимал стакан «манави» (О, «манави» он боготворил, считая его лучшим грузинским вином!) и, путая армянский язык с грузинским и русским, начинал говорить. Его слова лились сквозь пространство и время, обволакивая сотрапезников покоем безмятежности. Ашот говорил много, и само собой выходило так, что все его слова были о любви и дружбе.

В начале девяностых он вдруг резко стал сдавать. Легкий оттенок грусти и печали появился в его глазах.

Он сказал мне однажды: Ты слышал, вчера на площади Ленина стреляли...

На площади Свободы, зачем-то поправил я его. Он помолчал, а потом с горечью бросил: Как мог Тбилиси дойти до такого, чтобы брат убивал брата!

В то время в Тбилиси шла гражданская война...

Потом я уехал в Москву и в суете дел забыл об Ашоте. Вернее не забыл, а как-то отдалился от него, ушел в свое. В столице у меня началась другая жизнь, которую Ашот не понимал и не хотел понимать. (Куда ты едешь, дорогой, кому ты там нужен!) Мы перезванивались иногда, но это общение уже не приносило былого удивления, - расстояния губительны для человеческих

отношений.

Вспоминаю последний наш разговор по телефону. Ашот говорил с трудом, путаясь в словах и теряя мысль. Я спросил его, как он себя чувствует, и он ответил, что очень хорошо. И добавил: Кола-джан, я понимаю, что билет на самолет за сто пятьдесят долларов в один конец – это дорого, но когда ты, наконец, вернешься в Тбилиси, ты угостишь меня хаши?..

На похоронах Ашота было человек тридцать, все больше родственники и соседи. День был пасмурный, недавно снова прошел дождь. Но было тепло. И почему-то совсем не думалось о смерти.

Гроб провезли по площади Рике. Раньше это местечко в Тбилиси называлось Пески. Ашот любил бывать здесь. Особенно во время ежегодного народного праздника «Тбилисоба», когда гудела весельем разноязычная, разноязычная толпа, когда на фоне ослепительно ясного неба стояли, будто высеченные из сказочного материала, величественный Метехи, башня Дареджан и Мтацминда – Святая гора, а вдоль Куры выстроились в ряд лавки с дымящимися шашлыками и хинкали, молодым кахетинским вином, с хачапури и обжигающим руки лавашем, с добродушными и гостеприимными зазывалами. И очаровывали слух трепетные звуки дудуки и пели шарманки о пятнадцативековой древности города, и звучали бессмертные стихи Саят-Нова – на грузинском, армянском и азербайджанском языках, и лились русские, украинские, белорусские песни, и лукавые кинтоплыли в озорном танце по бульварной мостовой.

Это хорошо, подумал я, что «Тбилисоба» не умер, хотя за последние годы мог бы умереть много раз, хорошо, что он продолжает жить, но как жаль, что мало, очень мало в нем осталось от былой искры безрассудного счастья, былого исконно тбилисского духа, каким всегда славился этот экзотический и гостеприимный многонациональный город, стоящий на развилке Великого Шелкового Пути. Ведь трудно себе представить: около ста наций и национальностей жило в нем, считая его родиной. Сегодня картина, конечно, другая. Многие покинули этот край, покинули с болью в сердце, разбрелись по миру кто куда. Я подумал о том, что вместе с Ашотом еще одна маленькая, пусть малюсенькая частичка этого тбилисского духа ушла от нас безвозвратно в прошлое, которое не вернешь уже никогда.

Буба Кикабидзе как-то сказал мне: Отец мой погиб на фронте в 1942 году. У него было плохое зрение. И он мог не идти на войну. Но он пошел. В наш дом можно было попасть с подъезда. Отец всегда ходил через двор. Его встречала шумная орава детей. Среди них были грузины и русские, армяне и курды, греки и азербайджанцы. Удивительно интернациональным был наш дом. И все жили одной общей семьей. У отца в кармане всегда оказывался кулек с конфетами. Он раздавал нам их. Всем – поровну. Но он ушел и с ним вместе ушли из нашего двора мужчины. Мы ждали их, стремительно взрослея. И была у нас общая боль, когда кто-то получал похоронку. И была у нас общая радость, когда кто-то возвращался. До сих пор я не могу выйти из двора моего детства. До сих пор мне кажется, что ничего нет на свете вкуснее тех черствых кукурузных лепешек, что делились по-братски между соседями.

Буба говорил мне о тбилисском духе... На кладбище наша похоронная процессия дополнила несколько других. Это был обычный день похорон. Женщины были, в основном, в черном, мужчины – в костюмах. Некоторые стояли в скорбном молчании, другие тихо переговаривались меж собой.

Я услышал: Счастливый Ашот, ушел из жизни еще до наступления холодов. Теперь ему не надо заботиться о керосине. Про газ я уже не говорю – не дождался, несчастный.

Простите, вы и вправду думаете, что газ будет дешевле керосина?

Вахо, ты не мог бы мне толком объяснить, когда мы вернемся в Сухуми? Неужто всю жизнь проживем безженцами в гостинице?

Помолчала бы ты лучше, женщина! Представляешь, Этери, а он пристал ко мне, контролер этот, как жвачка, и гнет свое: плати, мол, за свет по счетчику. Я ему и говорю, мол, свет твой я и в глаза не видела. За что мне платить?

Ты когда последний раз пенсию получала? Не помню уж. Вот и я не помню. А как управляешься-то? Дети помогают. Один в Голландии, другой в Моск-

ве.

Вы слышали, говорят в Тбилиси планируется открыть еще один «Макдоналдс»?

Сдались нам эти «Маки»? Лучше бы на шашлыки и вино сбросили цены.

Говорю вам, уехал Георгий! Как - куда! В Германию. А какой хирург был! Он всем моим родственникам гланды вырезал!

Эдак всю интеллигенцию можно растерять! И растеряли. Где она сейчас, наша интеллигенция? Вся по миру разбрелась! Зарабатывать то как-то надо!

А я вам скажу: сейчас везде одинаково плохо – что в Тбилиси, что в Москве.

Не уж то и в Америке? А Америка, извините, в СССР раньше входила? Мужчины медленно опустили гроб Ашота в могилу.

На мгновение сверкнул и погас солнечный луч, выгнувшийся из-за тучи. Но вот он с удивительной настойчивостью снова появился, чтобы уже окончательно утвердиться в своих правах и завоевать все небо. И медленно, но неотвратимо вдруг стал раскрываться ярко синий небосвод, и выплыло солнце на простор.

И засияло, засверкало все кругом, играя сказочными отблесками в многочисленных лужах.

И мучительно захотелось жить.

И тогда мне показалось вдруг, что Ашот не умер. Да он и не собирался умирать вовсе. Он уже давно ждет меня на пороге своего полуразвалившегося дома, чтобы я повез его на Майдан. Ах, Кола-джан, что ты надеялся, ты вернулся! Как мне пережить это счастье!

Ашот не умер!

Не умер друг мой, профессиональный журналист Гиул Антелава, с которым ползали, обвешанные видеокамерами и диктофонами, по окопам кавказских гражданских войн, и взаимная вражда, взаимная ненависть, взаимная злоба людей разных национальностей дышали нам в лицо. На своей могильной плите он перед смертью попросил высечь белым по черному – «Свободен!»

Не умер мой оператор, двадцатитрехлетний Дато Болквадзе, безжалостно расстрелянный мракобесами от политики во время братоубийственной резни близ грузинского города Хоби. Дато собирался жениться, и его невеста никак не могла поверить, что никакой свадьбы уже не будет. Она ежедневно приходила к нам в офис и ждала. И молилась...

Не умер в Москве мой наставник в журналистике Теймураз Степанов, до последнего вздоха тоскуя по родному Тбилиси. Он писал: Взывающая к инстинктам крови, рода, племени пропаганда ненависти зачастую бессильна разрушить живые человеческие связи. Наталкиваясь на хрупкую преграду, слагаемую совестью, состраданием и бесстрашием, она дает сбой.

Не умер замечательный грузинский кинорежиссер Тенгиз Абуладзе. Он сказал мне когда-то: Без высоких устремлений и идеалов жизнь невозможна, она теряет смысл. Человек без веры в добро и борьбы за прекрасное – ничто.

Их много в жизни каждого из нас, кого уже нет на свете и кто уже никогда не умрет, потому что навечно остался в нашей памяти хранителем духа человечности и доброты, мужества и стойкости, благородства и великодушия, гостеприимства и любви. А значит все мы счастливые люди и у нас все еще впереди.

Мне становится холодно, и я спешу от безымянной могилы прочь...

Ника КВИЖИНАДЗЕ

ДОСТОЯНИЕ НАЦИИ

ПОКЛОНЫ ПОСТЕПЕННО ВЫХОДЯТ ИЗ МОДЫ. И ВСЕ-ТАКИ ИМЕННО ПЕРЕД НАНИ БРЕГВАДЗЕ ХОЧЕТСЯ СКЛОНИТЬ ГОЛОВУ – ПЕРЕД ТАЛАНТОМ И ОБАЯНИЕМ, ПЕРЕД НЕЗАПЯТНАННОЙ РЕПУТАЦИЕЙ И ПРОСТО В БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ТО, ЧТО ОНА У НАС ЕСТЬ. ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО, КАК ДАВНО УЖЕ СКАЗАНО, В ГРУЗИИ ЕСТЬ ХОРОШИЕ ПЕВЦЫ, ЕСТЬ ОЧЕНЬ ХОРОШИЕ ПЕВЦЫ И ЕСТЬ НАНИ БРЕГВАДЗЕ.

Почти сорок лет назад в Тбилиси открылся Большой концертный зал Тбилисской филармонии. Одной из первых на его сцену вышла Нани Бреговдзе. 5 октября 2009 года состоялось открытие обновленного главного концертного зала страны. Все самое важное, без чего уже невозможно представить Тбилиси, осталось неизменным – ротонда, украшенная колоннами, лестницами, бассейном и аллегорической скульптурой «Муза». А на сцене – Нани Бреговдзе. Если не она, то кто же?

трудники журнала «Русского клуба» с волнением подошли к Нани Георгиевне – поздравить и поблагодарить. «Если бы вас попросили обратиться к публике с одной музыкальной фразой, какую вы бы выбрали?» – спросили мы у певицы. «Мне никогда не задавали такого вопроса», – задумчиво сказала Нани. Но после небольшой паузы к огромному удовольствию и под аплодисменты всех присутствующих пропела строчку из знаменитого романса «Горчит калина»: «Мне надо знать, что я еще любима»... Можно ли в этом сомневаться?

И все-таки петь в стране, где пение любят все, а хорошо поют многие, – это вольная и невольная отвага. Поэтому великими певцами в Грузии становятся прежде всего большие личности. Грузин может быть поражен вокалом, но заворожить его можно только душой, неповторимостью и вкусом.

Личность Нани – это такое явление, когда непреходящий интерес к персоне связан и с любовью, и с уважением к ней. Грузинскую публику скандалы только расхолаживают, эпатажные выходы отталкивают. Как говорится, «кто красив, тот и поступает красиво». Королевскими качествами являются вкус и достоинство, и это именно то, что зритель ценит в Нани Бреговдзе.

Трудно себе представить более искреннюю и досягаемую «звезду», чем Нани. И не менее сложно вообразить человека, чье присутствие более дисциплинирует и организует. При Нани неловко, даже невозможно позволить себе быть некорректным, несобранным, солгать, не сдержать слово... Она, конечно, простит, ведь главной ценностью в любом человеке для Нани является то, что он человек. Но сила воздействия ее личности такова, что перед ней не хочется осрамиться ни в чем.

Наверное, истоки магнетизма и таланта Нани находятся в ее семье. Дедушка Нани окончил юридический и математический факультеты в университете Санкт-Петербурга. Мама – Ольга Александровна Микеладзе – из знатного дворянского рода. Но отличительными чертами подлинного аристократизма – не столько по происхождению, сколько по духу – являются терпимость и порядочность. Благородству и достоинству личности учила Нани ее мама, и это у нее в крови. А то, что кровь «голубая», для Нани не так уж и важно. Дело в доме было поставлено так, что туда можно было прийти в любой день, даже в любой час, хоть глубокой ночью. Но несколько условий для возможных визитеров были обязательными – воспитанность, хорошие манеры и доброжелательность. Или, как говорит сама Нани, «это можно назвать одним, к сожалению, давно забытым словом – учтивость». Мама была непреклонна. Она могла заметить: «Его ноги больше здесь не будет, потому что он очень вульгарно сидел».

Противоположностью хорошему вкусу является не его отсутствие, а его вульгаризация, пошлость. Безупречный вкус Нани Бреговдзе не только врожденный, но и воспитанный, выпестованный. Хабалка может стать широко известной, но королевского трона ей никогда не занять. Быть пошлой – не царское это дело.

Закономерно, что именно Нани стала первой отечественной знаменитостью, чьим именем были названы духи. В репертуаре певицы был романс, который назывался «Левкой», и у духов «Нани Бреговдзе» был аромат левкоев...

Она никогда не дружила и не дружит с высокопоставленными людьми.

Она никогда ни о чем не просит. Это не воландовская позиция, исполненная гордыни: «Никогда никого ни о чем не просите...» Просто есть вещи, которые Нани Бреговдзе считает зазорными для себя. Королевское достоинство? Или обыкновенное качество интеллигентного человека? И то, и другое. А вот коллективные пись-

ма деятелей культуры Нани подписывать не отказывается, только если они призывают к справедливости, или просят наказать зарвавшегося хама, или защитить поруганное достоинство порядочного человека, и эти случаи не редки.

За то, что Нани запела и посвятила песню свою жизнь, мы тоже должны быть во многом благодарны ее семье. Вокруг маленькой Нани пели все – прабабушка была профессиональной певицей, замечательно пели бабушка, дедушка и все семеро их детей, включая и маму Нани, тетя пела в джазовом оркестре и народном ансамбле, прекрасно пел и отец. И мама, как только заметила в Нани склонность к музыке, все свое время стала тратить на развитие музыкальных способностей дочери. Прогадать было невозможно – такая блестящая певческая генетика подвести не могла.

Нани занималась серьезно. Она окончила музыкальную школу, музыкальный техникум и Тбилисскую государственную консерваторию по классу фортепиано. Но еще до того, как она поступила в консерваторию, в 1957 году Нани выступила в Москве, на VI Международном фестивале молодежи и студентов. Песня «Погасила я свечу» принесла ей первое место среди участников из СССР и третье – в международном конкурсе. На фестивале ее услышал Леонид Утесов. «Из этой девочки, если она будет петь, получится очень хорошая певица», – предсказал он.

Студенткой консерватории Нани становится солисткой Тбилисского государственного ансамбля «Рэро» под управлением Константина Певзнера. А в 1964 году вместе с Московским мюзик-холлом она едет на гастроли в Париж. После ее выступления во всемирно известном зале «Олимпия» французская пресса восторженно писала о ее «ярком таланте, красивом голосе, эмоциональности, сценическом обаянии и артистизме», которые покорили парижан. Обычно скупой на похвалу Шарль Азнавур назвал ее пение чудом. По возвращении из Парижа Нани приглашают в ансамбль «Орэра», в котором она проработала солисткой 15 лет. «Орэра» был признан лучшим музыкальным коллективом Грузии XX века. Народный артист Грузии, композитор Реваз Лагидзе говорил: «Участники «Орэра» составляют великолепный ансамбль. В их исполнении привлекают мягкость тембра, полное отсутствие форсировки при очень своеобразном, современном звучании, умение передать настроение песни. Они поют, играют и танцуют, и каждую песню орэровцы преподносят как маленький музыкальный спектакль, прекрасно исполненный не только вокально, но и актерски».

С 1980 года Нани начала выступать с сольными концертами. Ее неизменным аккомпаниатором была народная артистка Грузии, пианистка Медея Гонглиашвили.

Нани Брегвадзе шла по своей дороге в искусстве неторопливо, без малейшей суетливости. Она никого не задевала, никто не задевал ее. У нее не могло быть ни соперников, ни завистников, потому что Нани выбрала свой путь. А если двигаешься только по своему пути, толкаться и не приходится – не с кем.

Ее не случайно именуют грузинской королевой русского романса. В шесть лет Нани, еще не говорившая по-русски, пела «Калитку» – романс, который по сей день является украшением каждого ее концерта. Именно

Эдуард Шеварднадзе - давний поклонник таланта Нани

она первая на советской эстраде вернула слушателям русский и цыганский романс и возродила, после долгого забвения, традиции исполнения Изабеллы Юрьевой и Тамары Церетели. «Я пела старинные русские романсы еще с малых лет, – рассказывает певица. – В советской стране романс, к сожалению, долго считался пережитком «дворянской салонной сентиментальности». Я же упрямо включала в свои выступления по несколько романсов. И не потому, что была таким диссидентом в музыке, а потому, что обожала этот жанр. Ведь романс – настоящий мини-спектакль, который надо не просто спеть, а каждый раз вдумчиво сыграть на сцене». Кстати, Тамара Церетели сразу же распознала в Нани не только свою преемницу, но и оценила ее индивидуальность. На подаренных ей Нани нотах романса «Вернись» рукой Т.Церетели написано: «Нани Брегвадзе – царице эстрады». А после одного из концертов к ней на сцену поднялся легендарный Иван Козловский и, став перед певицей на колени, поцеловал ей руку. Вспоминая об этом, Нани по сегодняшний день повторяет: «Боже, неужели это был не сон?» Наверное, подобные случаи и являются для Нани регалиями, самыми дорогими наградами, хотя список ее званий и наград кажется бесконечным – народная артистка СССР, народная артистка Грузии, лауреат Государственной премии Грузии, кавалер Ордена Чести Грузии, профессор, Почетный гражданин г.Тбилиси, г.Беналмадена (Испания), других городов и т.д., и т.д. ...

В исполнение романса Нани, с ее очень характер-

ным низким тембром голоса с широким диапазоном, привнесла и свой неповторимый стиль – удивительное сочетание безупречной элегантности, сдержанного достоинства и в то же время эмоциональности. Но при этом Нани лучше других знает, что «не нужно целиком погружаться в эмоции. Пение прежде всего – это работа головы». За внешней хрупкостью, пленительной легкостью, магнетической притягательностью стоит огромный труд, невидимый для публики. Да он и не должен быть виден. Но ценить его мы обязаны.

Нани безупречно чувствует звук – это известно всем. Но у нее и филигранное владение словом, то есть звучанием слова. Поэтому к исполнению песен на грузинском и на русском языках у нее разный подход. «Грузинский язык – очень строгий, – говорит певица. – Петь грузинские песни очень сложно. Даже интервью по-грузински давать сложнее. Возможности русского языка значительно больше, в нем просто очень много слов, можно выбирать, он дает больше эмоциональной свободы...»

Мы говорим романс – подразумеваем Нани. И говорить о ней хочется языком романса. Поэтому Белла Ахмадулина, посвятившая певице одно из самых знаменитых своих стихотворений, назвала его «Романс о романсе»: «Отражен иль исторгнут роялем Свет луны, это тайна для глаз. Но поющий всегда отворяет То, что было закрыто для нас...» И неслучайно, видимо, одни из самых завораживающих выступлений случались, когда в концерте встречались трое великих, абсолютно владеющих мелодикой слова и звука: певица Нани Брегвадзе, поэтесса Белла Ахмадулина и Булат Окуджава, который отважно брал на себя роль ведущего.

И еще одна удивительная особенность стиля Нани в том, что певице удается стряхнуть пыль со старинных романсов. В ее пении – легкое дыхание сегодняшнего дня и свежий ветер современности. Никакого нафталина. Кажется, что ноты романсов, которые она поет, достали не из кованых сундуков прошедших столетий, а написали накануне, в крайнем случае, позавчера... Они перестают быть ретро, но и не становятся модерном. Просто романсы в ее исполнении как эталон из Палаты

мер и весов, адрес которой известен только Нани. Хотя ее близкие хорошо знают, насколько она безжалостна к себе, как самокритична и неумолима. Она никак не может угодить себе самой. Мнение слушателей для нее, конечно, имеет значение, и любые похвалы и комплименты она принимает с искренней благодарностью, но при этом – с необыкновенным легкомыслием.

Один из интервьюеров как-то сказал Нани: «Я могу заявить, как профессиональный музыкант, что Нани Брегвадзе может войти в созвездие лучших певиц мира».

«Дорогой мой, оказывается, вы еще и астроном, – немедленно парировала певица».

Талантливый человек и в самом деле «сам свой вышедший суд», ну а чувство юмора Нани никогда не изменяло.

Что уж тут скрывать, мы знаем, сколько лет Нани Брегвадзе. Столько же, сколько героине Любове Орловой в спектакле «Милый лжец», которая говорила: «Мне никогда не будет больше тридцати девяти лет, ни на один день».

Нани уважает свой возраст. Невозможно представить ее искусственно молодящейся или скрывающей свои годы. «Тот, кто хочет оставаться молодым, уходит из жизни рано», – по-настоящему афористически заметила певица. Глядя на Нани, с облегчением соглашаешься, что у природы и в самом деле нет плохой погоды...

Хотя в августе прошлого года по-настоящему плохая погода для всех все-таки случилась. Война не только стала нашим большим горем, но и немедленно преобразилась в какую-то нравственную категорию. Вы только подумайте, какой «проверкой на дорогах» обернулась эта беда.

Конечно, большинство, потрясенное и ошарашенное случившимся, просто взялось за руки, встав в живую цепь, чтобы помочь друг другу, чтобы почувствовать тепло и присутствие стоящего рядом. Казалось, что по нам зазвонил колокол, и мы заново почувствовали свою неискоренимую привязанность к родине.

Появились среди нас и странные персонажи – псевдо-ура-патриоты, именно сейчас, если использовать грузинскую идиому и в прямом, и в переносном смысле, «надевшие на себя грузинские шапки». Где они были до?

А есть и иные люди – те, кому ни меняться, ни пробуждаться не пришлось. Нани Брегвадзе из их числа. Просто верность родине была и остается вечным правилом, доминантой ее жизни всегда и везде. Это позиция рыцарей и королей, чью формулу крови не могут изменить ни коллизии, ни революции.

В июле прошлого года на открытии Международного русско-грузинского поэтического фестиваля, где Нани Брегвадзе была почетной гостьей, известный московский журналист спросил ее:

– Как вы думаете, будет ли война?

– Конечно, нет, – ответила певица. – Мы, певцы, не позволим.

Какой это был прекрасный и простодушный ответ! Нани лишь озвучила свою искреннюю веру в то, что искусство сильнее политики.

Конечно, политика сильнее искусства. Но искусство – дольше.

И как знать, может быть, мы не просто живем, когда живем, а именно во времена Нани Брегвадзе? Мы – ее современники. Честное слово, этим можно гордиться.

Цветы от «Русского клуба». Н.Брегвадзе, А.Сватиков, Н.Зардалишвили

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Фото Гоги ЧАНАДИРИ
Александра СВАТИКОВА

« БОГ ПОМОЧЬ ВАМ, ДРУЗЬЯ МОИ! »

Яркий праздник - День Москвы

В девятый раз Москва приглашает на церемонию награждения престижной премией имени А.С.Пушкина лауреатов Международного Пушкинского конкурса для учителей русского языка. С каждым годом растет число стран-участниц этого конкурса. В этом году свои эссе прислали 199 учителей из стран ближнего зарубежья, а также Болгарии, Германии, Израиля. И неизменно в списке пятидесяти ежегодно награждаемых мы видим имена преподавателей русского языка из Грузии. В этом юбилейном году, когда весь мир отмечает 210-летие со дня рождения великого русского поэта, ими стали Марина Бидзинашвили, Заира Давианти – учителя русского языка из грузинских школ города Рустави, и Валентина Гиоргадзе из Тбилиси.

Как подчеркивается в положении о конкурсе, « русский язык остается языком мирового общения, одним из шести рабочих языков ООН, родным для 170 миллионов человек, и более 350 миллионов его по-прежнему понимают. На постсоветском пространстве русский стал реальным языком межгосударственного общения. Он является родным для соотечественников, проживающих в ближнем и дальнем зарубежье, становится необходимым для миллионов людей, приезжающих в Россию на учебу и работу».

Судьба русского языка, который преподается сегодня в зарубежье как иностранный, складывается непросто: сократилось количество часов в школах и вузах, не хватает качественных учебников, а главное, - внимания к самому педагогу-русисту.

В 2000 году Правительством города Москвы, «Рос-

сийской газетой», газетой «Труд» при поддержке Министерства иностранных дел РФ была учреждена Пушкинская премия, чтобы морально поддержать и материально поощрить самых энергичных и талантливых педагогов-русистов, работающих в странах российского зарубежья. Ежегодно Оргкомитет, который возглавляет Ядвига Бронеславовна Юферова, заместитель главного редактора «Российской газеты», автор и вдохновитель этого конкурса, выдвигает новую тему, предполагающую конкретные, искренние рассказы конкурсантов о том, зачем в их стране и школе учат язык Пушкина. Тема эссе 2009 года – «Русский язык: учить нельзя забыть. Где ставят запятую ваше государство и ваши ученики?»

«Конечно, было очень сложно подойти к этой теме, рассказывает Марина Бидзинашвили, - особенно после августовской трагедии, в атмосфере так обострившихся отношений между нашими странами. Но искренне хотелось поделиться с коллегами своими думами, размышлениями о нашей профессии, о боли, переживаниях, радостях и трудностях. Несомненно, нам, учителям русского языка в Грузии, приходится прилагать немало усилий, чтобы зародить в наших учениках желание изучать язык Пушкина, Толстого, Чехова, Бунина. Для многих моих учеников-беженцев, заполнивших в этом году классы, русский был не языком великой культуры, о которой они не имели представления, а языком той страны, которая, по убеждению детей, была виновником их бедственного

положения, пережитых страхов и страданий. Я не политик. Я просто женщина, мать, учитель, одна из тех многих, кто считает недопустимым, чтобы трагедии мира взрослых навсегда оставались болезненными рубцами на душах наших детей. И, конечно же, я всем сердцем против того, чтобы трещина в отношениях между нашими странами росла и расширялась. Сколько мне пришлось работать, как тщательно продумывать свои

лауреатов, но нас, учителей из Грузии, окружили особой заботой и вниманием, всякий раз подчеркивая, что нам приходится особенно трудно из-за усложнившихся отношений между странами, и находили трогательные слова поддержки и участия».

Своими впечатлениями о конкурсе поделилась и Заира Давианти, учительница русского языка из 24-й муниципальной школы города Рустави. «Я тоже долго колеба-

лась, прежде чем решила принять участие в конкурсе. Прочитав конкурсную тему, подумала, что, наверное, невозможно ее писать, не касаясь политики. А политика не мое дело! Потом все-таки решила: буду писать без политики, расскажу о моих учениках, о наших общих переживаниях. О том, каким потрясением для нас был прошлый год, и как мы пытались преодолеть это состояние вместе. Ведь мои ученики – это мои дети, такие же дорогие и близкие, как мои собственные родные сыновья и дочь. Решение участвовать в конкурсе созрело окончательно, когда я случайно наткнулась на спрятанную мною еще в сентябре стопку тетрадей с сочинениями. Я спрятала их, потому что уж слишком много недетской боли вместили строчки, выведенные моими учениками. Учебный год в своем классе, как-то не задумываясь, я начала с сочинения, традиционно задав безобидную, на первый взгляд, тему «Как я провел мое любимое лето». И толь-

Ядвига Юферова (в центре) с лауреатами из Грузии. 2009

уроки, чтобы растопить лед непонимания в глазах моих учеников! Зато каждая, даже маленькая победа приносила огромную радость. Помню, когда решила все-таки писать конкурсное сочинение, очень волновалась – поймут ли мои тревоги члены жюри, примут ли близко к сердцу наши проблемы. Но когда в день рождения Пушкина получила от оргкомитета конкурса сердечное поздравление с победой и приглашение приехать в Москву, поверила – среди тех, кого роднит любовь к языку Пушкина, чужой боли не бывает. У нас общие и радости, и беды. Счастье, захлестнувшее меня в те дни, наверное, и сегодня не смогу передать словами. Поздравляли друзья, коллеги. Звонили и заходили учителя из других школ, искренне радовались моей победе и победе моей руставской коллеги Закры Давианти, словно своей. А я и сейчас уверена, что это наша общая победа – ведь я писала не только о себе. Но самой большой радостью было поздравление от моих учеников – именно с ними весь этот долгий и тяжелый год мы уходили от недоверия и осторожности, учились смотреть на мир глазами любви, учили язык, который я никогда не перестану любить, потому что он принес столько ценного, мудрого и доброго в мою жизнь. Сейчас мне даже как-то неловко вспоминать о потаенном в глубине души опасении – как примут там, в такой теперь далекой, а когда-то близкой Москве нас, представителей Грузии. Но встреча превзошла самые смелые ожидания – столько было тепла, душевности, искренней открытости! Так встречали всех

ко потом, читая детские сочинения, ужаснулась – как я могла! Чуть больше месяца нас отделяло от страшного августа, и, конечно, никто из детей не назвал и никогда в жизни не назовет это лето любимым. В сочинениях было много ошибок, которые со временем можно исправить. Но как исправить отчаяние и непонимание того, что случилось? Почему случилось? Жизнь поставила перед детьми жестокие, недетские вопросы. И отвечать на эти вопросы еще долго предстоит нам, каждому из нас. А учитель – именно тот, кто в первую очередь обязан честно и убедительно отвечать детям, чтобы научить их жить с верой в душе и любовью в сердце. Вот такой тяжелый груз несем мы на своих плечах! Я поняла, что мне предстоит бороться за русский язык, который я люблю, и эту любовь всегда умела передать своим ученикам, но сейчас, казалось, словно сожжены все мосты, соединявшие меня и моих детей. И предстоит все строить заново. Конечно, не на все вопросы моих учеников и не всегда я могла найти убедительные ответы. Да и сейчас еще не могу. Но одно утверждаю с полной уверенностью – язык Пушкина должен и будет жить в Грузии. И за это свое убеждение я готова биться каждую минуту каждого урока.

Что и говорить, этот учебный год был как никогда сложным. Но какой неожиданной радостью он обернулся! Я и представить не могла, что после поездки в Москву, зайдя в класс с первым годом обучения русскому языку, услышу вопрос: «А вы были когда-нибудь в

У Дома-музея А.С.Пушкина на Арбате

ки читали стихи Бараташвили и Табидзе на грузинском и русском языках, исполнили грузинскую песню. Нам показали открытые уроки, выставки, познакомили с новыми программами и учебниками, одарили методической литературой и памятными подарками. Удивительная открытость, щедрость и дружелюбная внимательность москвичей трогала до глубины души – это отметили все мы, педагоги-русисты из разных стран.

Сказочным запомнился и День Москвы. Это был незабываемый праздник! Мы сидели среди почетных гостей российской столицы в правительственных ложах, и прямо перед нами на Тверской разворачивалось пышное театрализованное действо, в котором участвовали лучшие силы, самые знаменитые исполнители, ансамбли, театральные коллективы. А завершился праздник поздно ночью грандиозным салютом, который мы наблюдали, стоя на Поклонной горе.

На церемонию награждения дипломами нас пригласили в Белый зал мэрии Москвы. Это был прием на высоком правительственном уровне, где нас приветствовали и поздравляли известные деятели культуры и науки, писатели, журналисты, ученые, представители ведущих вузов Москвы, члены московского правительства. Никогда раньше до этих незабываемых дней не приходилось нам испытывать такого гордого чувства собственной значимости, такого всеобщего уважения к нашему труду и нашей профессии.

Всего три дня! Нет, целых три дня, в которых уместилось столько встреч, знакомств, событий, впечатлений, радостных эмоций! Их хватило бы на несколько лет».

Я слушаю рассказы наших новых лауреатов Пушкинской премии и думаю: «Действительно, только три дня! Но какие! Я вспоминаю такие же свои три московских дня, которые когда-то подарил мне конкурс, и это ощущение выпрямленности, окрыленности, с которыми я уезжала из Москвы, уверенная, что в моей жизни начался новый, светлый этап, что я еще вернусь сюда и не раз, чтобы встретиться с моими новыми друзьями-колегами, пушкинским братством, хранителями нашего общего богатства по имени РУССКИЙ ЯЗЫК. Вернусь хотя бы для того, чтобы несколько мгновений постоять с друзьями у памятника Пушкину и услышать напутствие великого поэта России: « Бог помочь вам, друзья мои!»

Виктория ПОПОВА

Награждение лауреатов

Москве?» Я поймала себя на том, что отвечаю с гордостью: «Да, всего неделю назад я вернулась из Москвы». И класс зашумел: «Как здорово!» Посыпались вопросы. Куда делась так долго мучившая меня при беседах о России настороженность детей! Они расспрашивали меня с любопытством, нескрываемым интересом: «А какая она, Москва? А правда, что очень красивая? А в Кремле вы были?..» И я рассказываю о Москве, о Кремле и Красной площади, о золотых куполах церквей, дворцах в Царицыно и прогулках по Москве-реке. А на следующий урок приношу в класс книгу «Самые красивые места Москвы», подаренную мне организаторами конкурса имени Пушкина. И теперь уже спрашивают о конкурсе, о москвичах, с которыми там познакомилась. А в учительской окружили коллеги. Больше всего вопросов о том, как нас встретили. «Замечательно!» Рассказываю о том, как нас пригласили в школу № 1270, одну из лучших в Москве, победившую в конкурсе «Школа будущего». Казалось, нас перенесли из века нынешнего в век грядущий, в какое-то фантастическое, умно устроенное, прекрасное государство, населенное детьми, А как принимали гостей в этом государстве! Нас было всего трое из Грузии, но в нашу честь на концерте учени-

ЗНАЙ НАШИХ!

ЭКСТРИМ, ТРИУМФ, ПОДВИГ

Моноспектакль «Мне скучно, бес!.. Чур-чур меня!», в котором актер Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени А.С.Грибоедова Валерий Харютченко представляет героев пушкинских трагедий, был приглашен на II международный театральный фестиваль моноспектаклей «SOLO» и с успехом показан на сцене Театрального центра «На Страстном». Организаторы фестиваля – Министерство культуры Российской Федерации, Союз театральных деятелей РФ, Театральный центр СТД РФ «На Страстном», Российский национальный центр Международного института театра. Двадцати участникам «SOLO» был вручен оригинальный диплом, в который включена миниатюрная скрипка.

- Скрипка – потому что актер играет на струнах собственной души, – говорит директор фестиваля, художественный руководитель, директор Театрального центра «На Страстном» Михаил Пушкин. - Все, чем актер заражает зрителей, – это только он сам.

- Михаил Васильевич, фестиваль «SOLO» проводится уже во второй раз. В чем его особенность, так сказать, изюминка?

- Фестиваль – это уже сам по себе от начала и до конца большой спектакль со своими коллизиями, интригами, действующими лицами. Он набирает уверенность, становится фестивалем, который признают, обретает авторитет. Но мы еще в начале пути. И структура, и форма «SOLO» будут меняться. Нам очень мешает, что мы не можем лично отсмотреть все спектакли – это большая селекционная работа! Надо проводить ее и в России, и за границей, а это сложно. В то же время не всегда видеозаписи, резюме представляют точно то, что мы все-таки увидим на сцене. Конечно, в этом есть и момент авантюриности, неожиданности. Спектакль, который видишь на диске, вдруг получается лучше или... хуже. Это же живое дело! Разумеется, хотелось бы больше

смотреть, больше видеть. Уверен, что в этом году мы отобрали действительно лучшее, что есть на сегодняшний день в жанре моноспектакля не только в России, но и в Европе, странах СНГ. Думаю, что рекомендации наших друзей – менеджеров из Европы и стран Содружества дают нам точную подсказку, они отвечают за своих протезы. Кроме того, на нынешнем фестивале можно увидеть программу «Камертон», включающую легендарные спектакли XX века, - это совершенно новый проект. Он будет иметь продолжение. Театралы увидят легендарные спектакли, привезенные из Европы. Так, француз Реджеп Митровица через тринадцать лет вновь выступит в Москве – в действительно великом спектакле «Дневник Вацлава Нижинского»! Митровица, который мало играет во Франции, специально для фестиваля восстановил его.

- На открытии «SOLO» Константин Райкин сказал, что жанр моно для актера – это всегда экстрим.

- Тут нужно рассматривать две стороны этого процесса. Первая – актерская. Да, это экстрим, триумф, подвиг. Да, сложно работать на площадке одному человеку – на это нужно иметь право и в смысле актерской техники, и в смысле человеческого компонента – то есть право выйти и сказать зрителям: «Я ем!» Есть и другая сторона – как не всякая литература доступна всем, так и жанр моноспектакля внятнее далеко не каждому зрителю. Существует интеллектуальная литература, которая заставляет задуматься, осмыслить себя. Зритель, смотрящий моноспектакль, – человек думающий, а не пришедший в театр с целью развлечься, человек, осознающий себя в контексте сегодняшнего дня, вступающий во внутреннее взаимодействие с литературой, артистом, сценой. Жанр моноспектакля на уровне энергетики, посылка разрушается, ведь артист ведет диалог с мыслящими людьми, сидящими в зале. Они приходят не на цирковое представление, где все просто. На

моноспектакле происходит обоюдный процесс. Я не очень печалюсь, когда в зале на каких-то спектаклях не так много зрителей. В данном случае это не показатель качества того, что происходит на сцене. Может быть, каким-то зрителям просто не повезло – они не посмотрели тот или иной спектакль. А вот артист имеет право вести диалог с тем количеством зрителей, которое имеется в наличии. Изначально жанр моно предполагает камерность, интимный разговор с публикой. Есть спектакли, которые играют на больших площадках, и есть мастера, которые могут поддерживать этот диалог с аудиторией. Так, Константин Аркадьевич Райкин, играющий спектакль «Контрабас», может это делать в силу своего таланта, ума, интеллигентности, умения выстраивать отношения с залом, бешеной актерской, человеческой энергетикой. Но таких актеров в мире единицы! Они на самом деле очень редки в том, что называется жанром моноспектакля. Вообще нужно собраться и поговорить об этом жанре на научно-практической конференции с участием различных режиссеров, исполнителей, работающих в этой сфере. Кстати, жанр моно очень востребован за границей. На Авиньонском фестивале через раз – моноспектакль. Не потому, что это дешево и сердито. Просто существует желание высказаться самостоятельно, выстроить свой личный проект, может быть, самый главный в своей жизни. Существование актера в этом жанре столь многообразно, что требует каких-то дефиниций, определений, что же собственно является моноспектаклем. Говорят, если на сцене один человек, то это моноспектакль. А если ему помогают играть три-четыре человека на уровне музыкального сопровождения, нескольких диалогов? А если артист ведет диалог с записанной фонограммой? Вот это уже, наверное, не моноспектакль, потому что вступает техника. Бывает, артист покрыт трехслойной проекцией всяческих мультимедийных аппаратов, которые превращают спектакль в некое шоу, в котором артист функционален. Для меня моноспектакль – это абсолютно актерская история, когда исполнителю есть что сказать – «до полной гибели всерьез» на площадке.

На Западе я видел очень внимательное, доброжелательное, вдумчивое отношение к тому, что другой человек в одиночку предлагает со сцены залу. И в России тоже существует культура восприятия актера, что бы ни говорили о тотальном режиссерском театре. Но ни в каком театре обойтись без актера нельзя. Ведь самые лучшие спектакли тотальной режиссуры предполагают очень хорошего артиста в центре этой режиссуры. Актер – первый кирпичик театра, без которого последний не может существовать. Пусть и были в послевоенной Италии спектакли без артистов, но вся эта машинерия – не более, чем наивная игра. Все равно в театр приходят за живым звуком, живой эмоцией, реакцией. Тогда спектакль воспринимается. Я не против спецэффектов – иногда они необходимы. Если на сцене стоит стул, а в финале он рассыпается как песок, то для меня это вершина технологической мысли. Все очень просто и, тем не

менее, фантастически придумано. Это же не большая куча мишуры, которая сделана при помощи виджеев и художника по свету. Хотелось бы простоты...

- Чем все-таки отличаются сегодняшние моноспектакли?

- Мне кажется, артисты начинают обращаться не к конкретной драматургии, а к высокой литературе, с которой они начинают разговаривать и выстраивают свой монолог, все равно произносимый в одиночку. Сегодня моноспектакль не зафиксирован на одном произведении, драматургической конструкции, часто рождаются несколько композиций из одного автора, из нескольких авторов на основе большого литературного произведения, которое даже экранизировать сложно. К примеру, Джойса... Для спектакля «Да я хочу да» из его «Улисса» была взята одна важная для исполнительницы линия, которую она представила. Тут проявляется желание общаться с хорошей литературой, прозой или поэтическим рядом, выстраивать свою мысль с помощью замечательных авторов – это одна из особенностей сегодняшних моноспектаклей.

- Кто из актеров, работающих в жанре моно, потряс вас?

- Константин Райкин, Александр Калягин, Реджеп Митровица, Марсель Марсо, Александр Филиппенко – это актеры-личности... Недавно выяснилось, что двадцать лет назад мы вместе с Константином Аркадьевичем были на одном концерте в Лужниках – выступала группа «Крузи». Филиппенко, в мешковатом костюме, на велосипеде, с авоськой в руке, в качестве разогревающего выехал к публике – собралось 20 тысяч человек, которые пришли слушать тяжелый рок. В течение двадцати минут он читал монолог из культовой пьесы Славкина «Взрослая дочь молодого человека» - «Великий козел на саксе» и взял этот зал, аплодировавший ему больше, чем самой группе «Крузи». После чего Филиппенко уехал с той же авоськой на велосипеде. Это была совершенно неожиданная история, ведь среди зрителей были фанаты тяжелого рока, подростки, которые ничего не знали о Филиппенко и тем более - о драматурге Славкине. И артист заставил слушать себя двадцать минут и победил 20 тысяч человек! Вот это пример актерского подвига. Ведь моноспектакль – это поединок с залом. Нужно взять зал. И если у актера есть талант, силы, энергетика, он это делает – без всяких скучных подпорок в виде света, звука, сценографии. Я отвечаю за каждый спектакль, который пригласил на фестиваль. Мы выбрали из 200 спектаклей 20, и любой участник этого фестиваля – уже победитель тяжелого и серьезного конкурса. У нас были споры, сомнения, но фестиваль идет, и я не ошибся в выборе ни одного спектакля. Очень рад, что мои ожидания, связанные со спектаклями, оправдываются только в лучшую сторону.

- А каково ваше впечатление от спектакля из Грузии «Мне скучно, бес...»?

- Спектакль, который я увидел на видеопленке, отличается от того, что мы посмотрели сейчас. В прежнем варианте сильнее было эпикурейское, жизнеутверждающее начало, но сегодня спектакль обрел большую глубину, мудрость... В этом решении каждый герой как бы подводит итог своей жизни.

Актер и режиссер Московского театра на Таганке Игорь Пехович:

- Когда я впервые посмотрел моноспектакль Валерия Харютченко «Мне скучно, бес... чур-чур меня!..», то понял, что эту постановку обязательно должна увидеть Москва. Это и произошло благодаря руководителю Российского национального центра Международного института театра Валерию Хазанову. Валерий Харютченко блестяще выступил на международном фестивале моноспектаклей «SOLO». За час мы увидели пушкинских героев – Скупого, Дон Гуана, Сальери, Председателя, Годунова.

На черном круге – потертый дорожный ящик. С таким мог развезать в кибитке сам брат Пушкин. Но вот появляется хозяин. Он похож на Пьеро, точнее, на призрака Пьеро... Легкая прозрачная ткань, словно дымкой,

окутывает фигуру, размывает ее очертания. Это некий вечный Шут, Паяц, разыгрывающий вечные сюжеты. Он приглашает к лицедейству, заводит игру. Одна маска сменяет другую. При этом он не переступает границ недоделанного – черный порочный круг – не заигрывает со зрителем, держит его на расстоянии.

Герои Харютченко борются со злом внутри себя. В одном случае побеждает зло: Скупой страшен своим стяжательством; Дон Гуан доходит до предела цинизма, соблазняя Донну Анну прямо у гробницы мужа; Председатель бросает вызов чуме, понимая, что обречен. В другом случае герои каются: Годунову до смерти надоело носить клеймо детоубийцы; Сальери выпивает яд вместе с Моцартом...

В этом спектакле присутствует редкая гармония слова, жеста, музыки, света. Играет все – тело актера, звукоряд, стих. Даже дорожный ящик оживает: для Скупого он превращается в сундук с сокровищами, для Дон Гуана – в гробницу Командора.

У Валерия удивительный голос. Он обладает глубоким тембром и богатыми обертонами. Голос его, льющийся из какого-то колодца, точнее - кладезя, - заставляет тебя сразу настроиться: «Здесь русским духом (то бишь, искусством) пахнет!» Этот голос – камертон совести.

Не скрою – я завидую Валерию. Глядя, как легко, без напряжения, он перевоплощается в сложнейшие образы, - думаешь, какую же хорошую школу он прошел в Щепкинском училище, в мастерской профессора Николая Анненкова.

Валерий Харютченко мог бы украсить любой московский театр – от МХТа до Таганки. Но, вспоминая сыгранные им роли на сцене театра имени Грибоедова, понимаю, что судьба у актера сложилась на редкость удачно: Иешуа, герой «Кроткой» Достоевского, Тартюф, Каренин, Гаев, доктор Штокман...

Заместитель директора Дома «Русское Зарубежье» имени А.Солженицына Ирина Лопухина:

- Я очень благодарна, что меня пригласили на Валерин спектакль. Ничего подобного представить себе не могла. Смело до авантюризма! Впрочем, с бесом только так! А с кем еще о маленьких трагедиях в период большой трагедии политических склок может полемизировать тбилисский актер на московской сцене? Из Пушкина можно черпать до бесконечности, если это делает мастер. Валера подтвердил это, показав по-новому героев великого поэта в год 210-летия его рождения. Замечательная работа! И многоликость, и пластика, и свет, и звук - все органично и убедительно, не избито. Я приняла такую трактовку безоговорочно, хотя, поверьте, «Маленьких трагедий» повидала немало. А познакомившись с Валерием после спектакля, была поражена тем, что в жизни он удивительно мягкий, деликатный человек. То ли дело на сцене - полная противоположность! И страсти, и авантюризм, и страдания, и философия - все ему подвластно, все в нем клокочет и рвется наружу. Даже не знаю, кого больше было на сцене: Пушкина или Валерия. Но показанное, несомненно, достойно высочайшей похвалы и заслуженных восклицаний «браво!»

Драматург, поэт, актер, старший редактор программной редакции телекомпании НТВ Заур Квицинадзе:

- Спектакль очень сильный, объемный. Спасибо Валере, что он нам его показал. Замечательно, что таким образом мы можем снова приобщиться к нашему великому поэту Пушкину. Сегодня люди другим интересуются, другое смотрят и читают. Тем отраднее, что Валера обратился именно к бессмертным «Маленьким трагедиям». Очень хорошо, что такие фестивали существуют. Мы почувствовали теплую, творческую атмосферу.

Актриса Валентина Кудряшева:

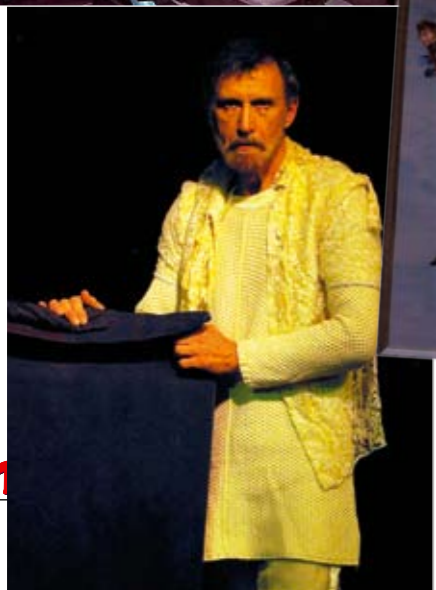
- Почаще бы привозили такие замечательные спектакли. Валера Харютченко – великолепный актер. Желаю ему много интересной работы. И очень хочется, чтобы он снимался в кино. Потому что таких актеров, как он, сегодня отнюдь не так много...

Инна БЕЗИРГАНОВА

Фото Завена Саркисяна, Жанны Ованесовой

С Тенгизом Гудава. 1990-е

Юрий Мосешвили и Ерванд Кочар. Ереван. 1964

«Я БЫЛ ЖРЕЦОМ И ЖЕРТВОЙ...»

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МОСЕШВИЛИ (1933-2002). ВЫДАЮЩИЙСЯ ЖУРНАЛИСТ, ПИСАТЕЛЬ, ПУБЛИЦИСТ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ. ЕГО КРЕДО – ВЕРНОСТЬ ГРАЖДАНСКОМУ ДОЛГУ; КНИГИ, ОЧЕРКИ, СТАТЬИ ПОЛНЫ ДОБРОТЫ И ЛЮБВИ К БЛИЖНЕМУ И ПОКЛОНЕНИЯ ПРЕКРАСНОМУ. ЗАСЛУЖИЛ ПРИЗНАНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ ИЗДАННЫЙ В 2003 ГОДУ ЕГО «ТРИПТИХ». ТРИ ФИЛОСОФСКИЕ ПОВЕСТИ СВОИМ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ, ИСТОРИКО-МИФОЛОГИЧЕСКИМ И КУЛЬТУРНЫМ СОДЕРЖАНИЕМ ОБРАЩЕНЫ К СОВРЕМЕННОМУ И ОТЛИЧАЮТСЯ ВЫСОКИМИ ДОСТОИНСТВАМИ. ПРИВОДИМ ГЛАВУ ИЗ КНИГИ Ю.МОСЕШВИЛИ О НИКОЛОЗЕ БАРАТАШВИЛИ.

В двадцать восемь лет смерть на чужбине, в одиночестве.

Мы даже не знаем его лица. Прижизненных портретов не сохранилось.

Все наследие умещается в одной тетрадке – поэма, сорок стихотворений, восемнадцать писем. При жизни не опубликовано ни одной строчки.

Рукописи обнаружены спустя многие годы после кончины, в большинстве своем – случайно.

Фатальная непредсказуемость его удел. Здесь все наперекор: начало и итог, быт и бытие, отчаяние и вера.

«Воркуй по-голубиному, младенец,
Болтай свое на языке сивилл,
Пока тебя – миров переселенец –
Своею ложью мир не отравил».

Давно уже нет этого двухэтажного кирпичного дома с лепниной по карнизам, высокими окнами с обязательными алоэ и геранью в глиняных горшках, вычурным фасадным балконом, прогалереей со стороны двора, парадным с крыльцом и кровельным узорчатым козырьком, с приветли-

вым Salve на мраморе подъезда и забранной в резную балюстраду деревянной лестницей, ведущей во внутренние покои, где приземистый камин «бухари» хранил в доме уют в те долгие вечера.

Нет описаний именно этого дома. Некому и незачем было. Так строились все дома тбилисцев солидного достатка. Но в Орбелиантубани особняк доминировал и был уважаемым ориентиром.

Здесь молодоженам предложено было поселиться поначалу, здесь приняла и холила первенца большая родня Эфеми, окружив, впрочем, всеми знаками уважения и молодого зятя. Мелитон, таким образом, жил без особых хлопот и мог спокойно подумывать о карьере. Не было недостатка ни в чем и у малыша. Он спокой-

тянет одну и ту же песню – сумерки приносят свое знание: «ворчит и пенится сердито и быстро катится река, вдоль берегов, туманом скрытых и зарослями тростника».

Бег реки в дальних комнатах, шелестя как шепот, крался по крашенной сосне полов, таинственный и значимый, мешающий заснуть, пока не убаюкивали наконец уличные фонари, мерно поскрипывающие на ветру.

Сны о реке прерывал поутру требовательный зов: «Тута! Кому сахарная тута!», а значит надо было поспешить на балкон, чтобы не пропустить зрелище, как проплывает по переулку, покачиваясь на чьей-то невидимой голове, огромное деревянное блюдо с бело-красными пупырчатыми ягодами, укрытыми влажными листьями.

Все это останется – шорохи, запахи, тени и город – как продолжение дома, двери которого запирались редко.

В ожидании воскресенья, когда возьмет на прогулку дядя Григол, надо было попытаться найти связь между ежевечерними сказками и тем, что происходит вокруг. Особенно в шумящих, кипящих, усердствующих рядах – серебряных, медных, лудильных, оружейных, швейных, чувячных, гончарных, шорных, котельных, столярных, угольных, винных, овощных, рыбных и, наконец, кондитерских, где покупалась сдобная слойка, есть которую на улице возбранялось. Дневными сказочниками были пекари, бросающиеся с головой в огнедышащую пасть глиняного дракона, чтобы в одно мгновение вызволить из раскаленного жерла кораблики-хлебцы; рыбаки,

но открывал свой мир.

Что можно было увидеть сквозь пузатую ограду балкона? Пролетки, фазтоны с кожаным верхом, арбы с поклажей, запряженные буйволами, всадников в папахах, да еще шляпки с цветами, зонты черные и цветные с оборками, строгие чихти-копи*, канотье из рисовой соломки с лентой, фуражки казенные на всякий манер да хвосты юбок, подметавших мостовую. Но затихала суета дня, пестроту сменял ровный свет скорого заката и, опускаясь на Кабахи, на изрытое копытами, причудливое в длинных тенях поле, ночь предлагала свой выбор, подарив невзначай первое романтическое открытие: «найдется ли что-нибудь в мире волшебней, чем луг под луною...»

А со стороны двора – где снуют, галдят разносчики зелени и мацони, где хлопает парусом на ветру белье и дерет понапрасну глотку дурная Курша, а прачка Текле * Чихти-копи (груз.) - женский головной убор.

закидывающие сети, ловко балансируя на ускользящих из-под ног бурдючных плотках; караван-сарай с плевунами-верблюдами, тянувшимися сюда из загадочной страны бирюзовых миражей; лопухие мельницы на Куре, вертящиеся круглые сутки, хмурые, небритые паромщики, переправлявшие на другой берег с такой важностью, словно они в ладье Харона.

А потом снова неделю напролет – азбука и тихий голос дидеды** Хорешан, повествующий из выхвачен-

** Дидеда – бабушка.

ного лампой из темноты круга: «проживали в тех краях жестокие дэвы*, не ступала там нога человека и только дикие ветры гуляли и воинство каджей** справляло свои шабаши. Но вошел в царство зла смелый Караман».

Царство зла далеко. Здесь же дедушка Зураб, большой и усатый, здесь Григол, который ничего не боится, и сердитый отец. Со злом справится Караман. Но интересно все-таки, как выглядит это царство зла?

Гораздо интереснее, однако, сказок Хорешан, то, о чем говорят и спорят внизу, в гостиной, откуда доносятся поздними вечерами голоса – то ровные, то взлетающие вдруг, тревожа пламя свечей, в верхний ряд черно-белых клавиш одновременно с маминой рукой, пытающейся умиротворить своими пассажами разгорающиеся страсти спорщиков.

Дом Орбелиани–Бараташвили всегда полон. Имена! Свояк Александр Орбелиани – военный по образованию, писатель по призванию, царский отпрыск по происхождению – сын дочери Ираклия II Текле Батонишвили и потомка крупных картлийских феодалов Вахтанга Орбелиани; Александр Чавчавадзе – поэт-аристократ, увлеченный идеями французского просветительства, один из зачинателей романтизма в грузинской литературе, крестник императрицы Екатерины II, что, однако не спасло его от ссылки, и тесть Александра Грибоедова в скором будущем; Соломон Додашвили – философ и публицист, автор первого русского учебника логики, изданного в Петербурге, первый гимназический наставник Николоза; Эгнате Иоселиани – знаток истории и литературы, выросший при дворе Ираклия II, как и Хорешан. Впоследствии Николоз, сообщая дяде Григолу о кончине Эгнате, сравнил его с пушкинским Пименом: «Богочеловек, который по своему положению в свете больше всего страдал. Минувшее проходило перед ним».

Бывал в доме еще некто Завилейский, «очень интересная фигура» по замечанию П. Ингорюк. Состоял в должности гражданского губернатора Тифлиса, что не помешало ему принять участие в антиимперском заговоре. Захаживал и небезызвестный здесь своим вольнодумством и поэтическими опусами о Грузии Вильгельм Кюхельбекер, состоя тогда на службе при Канцелярии начальника Кавказского Особого военного корпуса.

Такой компании было о чем поговорить и любознательность нашего жаждущего поэта, надо полагать, вполне утолялась.

Впрочем, дом этот не был салоном в понимании светском, обретавшем моду, хотя не чужды были славному собранию и декламация, и музицирование, и остроумие, и уж конечно, мнения на политическую злобу дня. И подавался чай, если обстоятельства не обязывали к более основательному застолью. Импозантным салоном дом не стал из-за обыкновения домочадцев обходиться без манер, дабы не приносить в жертву форме содержание. Одним своим присутствием излучала радушие милая Эфемия и не случайно, что именно с нее, уже матери троих детей, начнут обязательные свои воспоминания однокашники и друзья Николоза, перебивавшие всюду, куда бы не перебиралась потом в соответствии со все более тающим достатком семья Мелитона.

Характеристики современников скромны. Мало, что удавалось почерпнуть из памяти, когда нежданно-негаданно в этом возникла необходимость. Лаконичные свидетельства эти, однако, любопытны совпадениями.

Сочуеник и друг детства Николоза Константин Мамацашвили – с годами бравый красавец-генерал в орденах и с вензелем императора на пышных эполетах – в 1881 году, уже на склоне лет, вспоминал в газете «Дрозба»: «Эфемия была прекрасной и душевной женщиной, воспитанной в лучших грузинских традициях».

* Дэвы – сказочный персонаж.

** Каджи – нечистая сила, черти.

Вслед за Мамацашвили все в один голос подтверждают, что Эфемия была самой добродетелью, обладала высокими духовными качествами, мягкой, светлой природой, врожденным тактом и обаянием, была участливой ко всем и во всем. При этом подчеркивается такая деталь: аристократка, она сама вскормила детей грудью и лично занималась их воспитанием. Супруг ее по свидетельству К. Мамацашвили был весьма просвещенным человеком и прекрасным собеседником. Но, опираясь на те же свидетельства, автор первых исследований о Бараташвили, делает свой нелицеприятный вывод: «Помимо явных достоинств было у Мелитона одно страшное свойство – сверх меры был сварлив и криклив». Основанием, я думаю, послужило признание Иванэ Кереселидзе: «Если Мелитон залаживал у себя, близ Анчисхати кричать и браниться, слышно было аж в доме Текле Батонишвили». А однажды, в бытность предводителем уезда, он отхлестал по щекам секретаря губернатора только за то, что тот отказался искать какую-то понадобившуюся Мелитону бумагу.

Несколько смягчают картину последующие биографы: «Мелитон был дворянином среднего достатка. Но жил на широкую ногу. Его щедрость и гостеприимство, всегда открытый дом славилась на весь город. Росли долги. Поэт вступил в жизнь в крайне стесненных обстоятельствах. Но отец скорее оставил по себе память эрудированного собеседника, остроумца, человека доброй души, прямого, стойкого, хотя вспыльчивого и непреклонного». (П.Ингорюк. 1928 г.)

Зато в суждениях о матери поэта – только теплые тона.

Души не чаяли в Эфемии братья ее – Григол и Илья. Стихотворение о матери, которое помнил наизусть до конца дней своих Николоз, написаны не им: «Успокоенье мне, и радость, и надежда./ И в горьких думах, старящих сердца./ Лишь ты одна, сестра, юдоль мою, как прежде./ Убережешь от страшного конца». Так писал Григол из ссылки, боготворя сестру и надеясь только на ее поддержку. Опальный романтик лишь в ссылке позволил себе коснуться этой темы. Племянник его, пошедший много дальше в мастерстве, так и не решился на это. Такое откровение было бы слишком личным, нескромным, домашним.

Есть у грузин понятие «деда-бодзи». В буквальном переводе: мать-опора. Несущий кровлю жилища, опорный столб, утратив свое прямое назначение, обрел в лексике переносный смысл. Эфемия и была такой опорой в доме, пока могла.

Детским возможностям доступны были лишь малые высоты, скажем, порхающей вокруг балконного фикуса бабочки. С помощью Григола стала доступной высота птичьего полета с гребня Сололакского хребта, куда они с юным дядей забирались в долгожданные воскресенья. Они парили над сверкающей издали Сионской колокольней, матовыми бликами шиитской мечети, и, главное, над древним куполом Анчисхатской базилики, где их крестили и, видимо, потому, что именно здесь хранился нерукотворный образ Спасителя, приложившего свое лицо в Эдессе к полотну, которое потом не удалось закрасить даже мастерам-живописцам царя Авшара.

С этой высоты легко воспринимались первые уроки поэзии. Григол декламировал, возвышаясь над городом. Сказочно красивы были эти стихи – с восточными пряными ароматами, вычурными изгибами арабесок, изобиловавшие слезами, грезами, розами и соловьями. На слух словосочетания были прекрасны и привлекали к смыслу. Но строфу хотелось ощутить, видеть, ибо поражающий не столько тон, сколько сам узор строки, где каждый зримый перепад задавал ритм, чтение шло, скользая по округлостям букв и устремляясь вперед, покорное

заложеной в их очертания настойчивой воле.

Что особенное усмотрел в этом Николоз? Создатель грузинской письменной вязи как бы намеренно не допускал ни одного угла, тупика, какой-либо преграды, могущей помешать движению. Сам алфавит, казалось, был предназначен исключительно для поэзии.

Григол пояснил: пять тысяч лет мы говорим на этом языке и понимаем все, что записано было еще в дохристианскую эпоху. Петр Ивер воздвиг в египетской пустыне храм и украсил его письменами. Именно украсил, ибо то были образцы художественные. Потом переписчики духовных книг веками состязались в красоте, округляя буквы. Каждый звук должен был иметь свой знак. Заглавных букв нет. Все построено на интонациях, как в поэзии. Поэзия родилась раньше письма и диктовала ему форму. Поэзия от того и стала для грузин не просто искусством, а частью жизни, быта. Она определяла образ мыслей, мораль. Она возвышала. **Поэты Грузии шли вперед войска, вдохновляя воинов своими импровизациями. Стихи передавались по рядам и становились знаменем.**

Орбелиановская библиотека располагала к подобным откровениям. Библиотеки собирались поколениями и передавались по наследству как завет. Книгами похвально, берегли, не закладывали страницы, не делали никаких пометок. Самым уважаемым в то время промыслом был книжный базар.

Пересказывая прочитанное, редко кто мог удержаться и не домыслить что-то от себя. Устные интерпретации стали традицией и особо любознательным приходилось через наслоения фантазии заново пробираться к незамутненному источнику. Случались недоумения и досада, когда не обнаруживалось в книгах именно то, что было услышано ранее из любезных уст.

Николоз на всю жизнь прослыл книголюбом и не терпел пересказов. Сочинитель, считал он, сказал все, что хотел сказать и уж вовсе не по-другому. Оттого, видимо, поэт впоследствии не доверял переписчикам, с черновики переписывал сам аккуратным пером каллиграфа, не гнушаясь, правда, требующимися по моде завитушками и вензелями. Почерк его четок, вязь букв стройна и ровна. Недопустимо было унижать поэзию небрежностью скорописи.

Кроме книг был и иной властный зов, который врывался в покой мерно текущих занятий шумом и пестротой народных зрелищ.

О том, когда и как зародились эти игрища, никто не знает. Не назовешь их ни карнавалами, ни маскарадами. «Кеэноба» скорее прародительница клоунады-буфф, политического фарса и балагана, вместе взятых. Народ, играя, переписывал историю на свой лад, самоутверждался.

Сразу же после масленицы в мастерских Сеидабада брались за пошив нарядов, чеканку, украшения, изготовление деревянных мечей. В Сирачхана запасались вином в буйволиных бурдюках.

Действуя по строгому сценарию, ряженые вовлекали в действие многие сотни людей. Город делился на завоевателей – хана, его свиту и воинство и на защитников, в число которых записаться можно было с учетом определенных заслуг.

И вот, под завывание зурны, стенания дудуки, звон бубнов и грохот барабанов спешно запылались лавки, ворота и затихал в настроженном ожидании Майдан.

Из Сололакского оврага уже надвигалась ханская рать, пленявшая попутно зевак. Можно было и откупиться за шуточную дань. Но если она почему-либо не принималась, следовало пополнить стан недрогов.

К полудню под Сеидабадским холмом закипала схватка.

Не обходилось и без синяков. Но неизменно защит-

ники города брали верх, отгоняли пришельцев к Куре и разоружали их.

До утра город праздновал победу громкими песнями и кутежами у костров.

Это тысячеликое, шумное и наивное действо обладало одним магическим свойством. Надолго затихали распри и раздоры в памяти о том, что подвиги обязывают к достоинству.

И вся чертовщина – кезны, ханы, дэвы, каджи – все царство зла отступало в мимолетных детских радостях.

Памятная, победная, серьезная игра. И так непохожая на все то, что с годами – и вскоре – придет ей на смену в судьбе поэта.

Юрий МОСЕШВИЛИ

ЛЮБОВЬ И СЕРДЦЕ ЦЕСАРЕВИЧА

ЧИСТЫЙ, КАК СТЕКЛЫШКО

Очень здесь самое лучшее время. На высоте 1300 метров южного склона Месхетского хребта, в ущелье реки поднимаются крутые склоны лесистых гор. Хвойный лес создает уникальную атмосферу.

Дыши глубже – это Абастумани! Ученые мира предлагали взять здешний воздух за эталон чистоты, и так и назвать его – 1 абастумани.

Когда в 1828 году в русско-турецкую войну Ахалцихе был взят русскими войсками, раненые приезжали для лечения в Абастумани, в 24 верстах от Ахалциха. Военные врачи отмечали, что заживление ран происходило здесь быстрее, чем в других местах. В 1869 г. заведующий минеральными водами Тифлисской губернии доктор А.Реммерт писал, что Абастумани обладает прекрасными климатическими особенностями, «каких нет нигде на Кавказе и даже можно смело сказать, нигде в Европе».

Климат здесь мягкий и ровный, чистый горный воздух, богатый озоном и пропитанный ароматом сосны. Здесь нет сильных ветров и пыли, зато обилие чистой родниковой воды и термальных источников. С 1864 г. в Абастумани каждое лето стал открываться военный госпиталь на 200 нижних чинов, 30 офицеров и 10 женщин.

Абастумани был тогда одним из излюбленных дачных мест Кавказа, куда на лето съезжалось много народа. Дореволюционный путешественник описывает Абастумани как самый красивый, благоустроенный и «чистый, как стеклышко» курорт на всем Кавказе. В конце 19 века он процветал: курзалы, рестораны, «чайные дома», базары, концерты, благотворительные вечера, балы, спектакли. Особенно роскошно было отделано ванное здание, выстроенное в 1881 г. – с читальней, библиотекой, с мраморными ваннами и бассейнами, гидротерапией минеральной водой...

К тому, что Абастумани был «чистый, как стеклышко», можно добавить: «драгоценный, как бриллиант». Драгоценность этому месту придает легендарная личность цесаревича Георгия Александровича, жившего в этих краях более семи лет. Миф о благородном цесаревиче так и витает в воздухе. Им здесь дышат, наслаждаются, им гордятся и с упоением рассказывают. Миф, как известно, это художественно переработанное представление о мире. Мир, облагороженный прекрасным принцем, существует. Это Абастумани, и это очень интересная история, связанная с российской императорской семьей. Главным ее действующим лицом был Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич и Великий Князь Георгий Александрович.

Наследник-цесаревич Георгий (в центре) в Абастумани. 1896

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Георгий (по-семейному Жорж) прожил короткую жизнь, но запомнился всем, как умный, образованный, благородный и веселый человек.

Он родился 27 апреля 1871 года в Царском Селе. Его родителями были император Александр III и императрица Мария Федоровна.

Георгий воспитывался вместе со своим старшим братом Николаем (по-домашнему Ники), будущим императором. Их детство прошло в Аничковом дворце в Петербурге и в Гатчине и было подчинено дисциплине и порядку. Воспитывались царские дети в спартанском духе: спали на жестких кроватях с плоской подушкой и тонким матрасом. Стулья с прямыми спинками и плетеными сиденьями, обычные столы и этажерки для книг, рукоделья и игрушек. Были приняты ранние вставания, закаливание: по утрам холодные ванны, овсяная каша на завтрак и неизменная прогулка на свежем воздухе. Великая княжна Ольга Александровна вспоминала о своем детстве: «Нас держали в строгости, стол был простой, никаких излишеств, часто гречневая ... каша, молоко, черный хлеб».

Занятия детей – по расписанию: история, математика, языки, военное дело. Царских детей обучали танцам, русскому языку и рисованию. Занимались игрой на музыкальных инструментах, были уроки гимнастики.

В свободное время мастерили кукол для домашнего

театра, клеили солдатиков. Играли на бильярде, катались по огромному дворцу на велосипедах. Любили устраивать домашние спектакли, увлеченно рыбачили. Зимой – прогулки в санях, катания на салазках и коньках. Всей семьей работали в парке – счищали снег, рубили деревья. Весной сажали вербы на островах. Летом катались в колясках, на велосипедах, верхом.

По рассказам его сестры Ольги Александровны, Георгий был большим проказником. У него было особое чувство юмора. Всякий раз, как он выдавал удачную шутку, Ники записывал ее на клочке бумаги и прятал в «шкатулку курьезов», которую хранил у себя в кабинете уже будущи царем. Зачастую оттуда слышался его смех: Ники перечитывал шутки брата. Вообще братьев связывала крепкая дружба. Ники даже завидовал брату, что того зовут Георгием, потому что у него мужественный и красивый святой, и даже спрашивал, нельзя ли ему тоже стать Георгием?

Дети обожали свою мать. Мария Федоровна была прекрасной матерью. Жена Александра III, урожденная принцесса Дагмар Датская была женщиной с яркой внешностью, чарующим обаянием и тонким умом. По утрам дети радостно летели к матери в будуар и любили, когда она катала их на шлейфе своего платья. Часов в пять дети пили чай в ее обществе. Частенько церемонии нарушал проказник Георгий, ему сходило это с рук. «Мама питала к нему сла-

дровича и изображением Абастуманского дворца. Это яйцо всегда стояло на будуарном столике Марии Федоровны и в какой-то мере утешало материнское сердце.

Александр III тоже любил детей и был ласков с ними. Когда членам семьи приходилось расставаться друг с другом, они скучали и писали друг другу частые письма. Сестра Ольга вспоминает, как счастлив был отец в тот день, когда Георгий приехал под Варшаву повидаться с ним. «Но бедный Жорж выглядел таким больным... Папа часами просиживал ночью у постели сына».

Но до болезни еще далеко. Великий князь молод, красив, образован, у него блестящее будущее. Предназначившись к военно-морской службе, Георгий Александрович с апреля 1889 г. состоял в 1-м флотском экипаже, в июле того же года он мичман. Он побывал на трех морях и объехал вокруг Европы. В октябре 1890 г.

Великий князь Александр Михайлович и великая княгиня Ксения Александровна

Николай и Георгий отправились в плавание по странам Востока. Александр III внимательно следил за путешествием, о чем свидетельствуют его письма старшему сыну. Во время поездки Георгий заболел – его лихорадило, более двух месяцев держалась высокая температура. Пришлось прервать плавание. Здоровье сына очень беспокоило императора. Зимой 1891 г. он пишет: «Милый Ники... Ты можешь себе представить, в каком мы отчаянии, что бедный Жорж не может продолжать плавание, и что здоровье его все еще не поправляется... Все это нас страшно расстраивает и печалит». Император посылает в Афины доктора Алышевского, который сказал, что у Георгия Александровича «категорическая чахотка», что ему принесет пользу только горный воздух. Но юношу послали на две зимы в Алжир, где его здоровье не улучшалось. И тогда было предложено отправиться в горы, в Аббас-Туман, который уже был известен, как курорт.

В АБАСТУМАНИ

Императорская семья понимала, что Георгий Александрович в Абастумани надолго и стала обустроить его жилье. Георгия любили, старались уберечь от волнений, окружали теплом и вниманием.

В 1892 г. император Александр III приобрел в Абастумани в личную собственность участок и дачу. В том же году Георгий Александрович купил землю, где начали строить помещение для свиты. Абастумани бурно застраивается именно в этот период. Одна за другой

Императорская семья

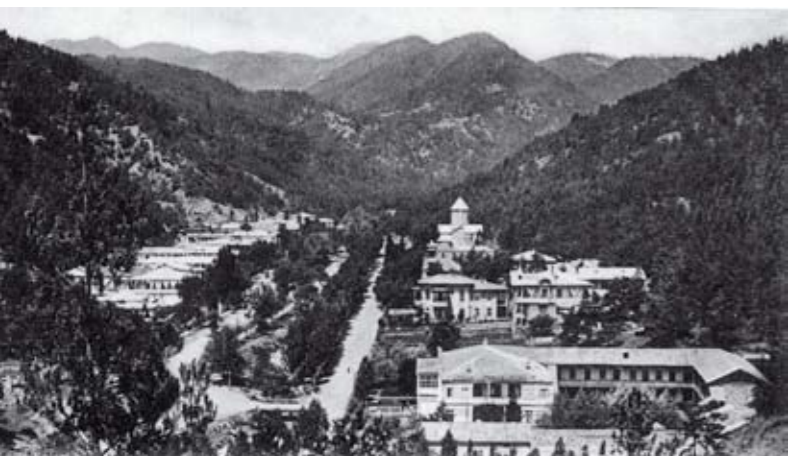
бость, – вспоминает Ольга Александровна. – Очевидно, вешее сердце матери предчувствовало что-то».

19-ти лет ее любимый сын заболевает, и семь лет лет его жизни будут связаны с далеким высокогорным Аббас-Туманом, где он будет жить среди лесов. Она будет так скучать по сыну, что Александр III подарит жене на Пасху 1893 года драгоценное пасхальное яйцо работы Фаберже с миниатюрным портретом Георгия Алексан-

возникают прекрасные дачи. Императорская семья рада всем, кто едет отдыхать или обосновывается там. Для его высочества строится летний деревянный дворец. Вначале одноэтажный, но потом решили, что дворец мал и достроили второй этаж. Внизу расположились залы с великолепным интерьером и дубовым паркетом, где устраивались балы и приемы. Наверху – покои Георгия Александровича, матери-императрицы, спальня для гостей. Дверные окна и рамы, а также мебель сделали из красного дерева. Они сохранились по сей день: были настолько прочны, что их не могли выломать в разные периоды мародерства и разбоя. Построен был и зимний дворец из камня, а также для великой княгини Ксении, часто навещавшей брата. Она была замужем за Александром Михайловичем, внуком Николая Первого. Он был морским офицером, как и Георгий Александрович. Увлечение морем объединяло обоих великих князей.

Современники сходятся на мысли, что летний дворец цесаревича напоминал корабль. А примечательным штрихом была изящная башенка со шпилем, которую бывший моряк оборудовал в виде капитанской рубки с компасами, картами и штурвалом. Башенка эта хорошо сохранилась.

Гостей приезжало много. Каждую весну императрица Мария Федоровна на несколько недель приезжала к сыну, проводила с ним время в душевных беседах

Абастумани. Конец XIX века

и прогулках. Приезжали сестры Ольга и Ксения, муж Ксении, великий князь Александр Михайлович и их дети, великий князь Георгий Михайлович, брат Александра Михайловича, сам император Николай II и многие другие известные лица Российской империи.

Из дневника великого князя Александра Михайловича: «Я взял в феврале 1892 года отпуск, на две недели, чтобы навестить Георгия Александровича в Аббас-Тумане... Доктора полагают, что холодный горный воздух действует на его больные легкие благотворно. Мы спали в комнате при открытых окнах при температуре в 9 градусов ниже нуля, под грудой теплых одеял. Георгий Александрович знал о моей любви к его сестре Ксении и это, в соединении с нашей старой дружбой и общим интересом к военному флоту, сблизило нас, как братьев».

«В начале мая 1893 г. Ксения и я сопровождали

Императрицу в Аббас-Туман... Он был очень рад нас видеть... Мы провели четыре недели вместе, катаясь в горах, устраивая пикники, смеясь шуткам молодости и танцуя. Мы делали все, что было в наших силах, чтобы подбодрить Жоржа... Наше веселое настроение не могло его обмануть. Вид двух здоровых, счастливых людей, вероятно, доставлял ему лишь страдания, хоть внешне он оставался все тем же благородным, добрым и преданным мне Жоржем...»

Публицист и преподаватель музыки С.Бартенев, посетивший цесаревича зимой 1892 г. оставил описание его внешности: «Он был в морской тужурке на меху, в высоких сапогах. По здоровому, несколько загорелому цвету лица нельзя было предположить настоящую причину его пребывания в далеком диком ущелье Кавказа. Лишь глаза с налетом грусти да легкое покашливание давали знать о его болезни». Гость был поражен деликатностью и простотой в обращении великого князя. Ожидая встретить недоступного в своем величии «Его Высочества» он увидел «юношу скромного, застенчивого, в кротких глазах которого светилась доброта, а от всего существа веяло благоуханною чистотою души».

День великого князя проходил по графику, где отводилось место прогулкам и работам на воздухе, ежедневным занятиям с преподавателями по 4-5 часов в день, т.к. Георгий Александрович продолжал образование. Он очень любил музыку, сам играл на гитаре, «наслаждение искусством было потребностью его души...»

В 1893-1895 годах, по поручению императора Александра III, В.Ключевский читал цесаревичу курс русской истории. Вот что писал В.Ключевский в Москву Н.Сперанскому в январе 1894-го: «...Живу я здесь тихо и ровно. Общество, в котором мне пришлось вращаться, состоит из прекрасных людей, начиная с самого Хозяина. Это маленькая морская колония, как ее здесь называют. Веду свое дело возможно проще, не ставя слишком сложных задач, но не всегда бываю доволен своим исполнением. Мне все кажется, что я недостаточно оправдываю встречаемое мною внимание. Надеюсь, результаты выяснятся в конце курса, а пока продолжаю его с надеждой, что эти результаты хотя несколько будут соответствовать моему желанию быть полезным».

«ЗДЕСЬ ТВОРИЛОСЬ ДОБРО»

Цесаревич полюбил этот край. Интересовался его историей, много ездил по окрестностям. Его поразил древнегрузинский храм в селении Зарзма, и он решил построить в Абастумани такой же. На средства цесаревича была куплена земля в центре Абастумани и в 1898 г. храм был построен. Для росписи был приглашен художник М. Нестеров, но цесаревичу не суждено было их увидеть. Нестеров завершил работу после кончины цесаревича.

Настоятель храма Александра Невского отец Максим говорит об интересной особенности храма: «Все, кто сюда приходит, сразу влюбляются в него. Отцы церкви счастливы, когда служат здесь. Прихожане чувствуют себя как дома... Думаю, это идет от любви самого Георгия Александровича. Он любил Абастумани и все делал с любовью».

Абастуманцы вспоминают цесаревича как щедрого и ласкового человека. В летнем дворце сейчас женский монастырь, при котором неизменно служат панихиду за упокой души Георгия Александровича. «Он жил, как добрый христианин, – рассказывают монахини. – Здесь творилось добро. К нему приходили за помощью и защитой. Он нес сюда любовь, культуру и цивилизацию».

Яйцо работы Фаберже

ЦЕСАРЕВИЧ И АСТРОНОМИЯ

Вдалеке от столицы наследник занялся и астрономией, которой увлекался с детства. В 1890 г. он стал почетным председателем Русского астрономического общества, организованного известным астрономом С.Глазенапом. Давая уроки астрономии цесаревичу, Глазенап ездил с небольшим переносным телескопом. Петербургский ученый занялся наблюдением так называемых тесных двойных звезд. Результаты были поразительными: объекты, которые в других обсерваториях сливались, здесь, в чистом воздухе Абастумани, различались поодиночке. Специально для наблюдений Глазенапа (и опять же на свои средства) цесаревич построил в Абастумани первую горную астрономическую обсерваторию в России. Ее назвали «Георгиевской» и торжественно открыли в 1892 г. Тем самым уже тогда была заложена репутация прекрасному астроклимату этих мест и именно здесь в 1932 г. построена астрофизическая обсерватория, известная всему миру.

КОНЧИНА ЦЕСАРЕВИЧА

Цесаревич торопился. Он понимал, что времени отпущено немного и спешил делать добрые дела. Сколько сделано за семь лет! А ведь это был совсем молодой человек. Ему не было и тридцати.

Несмотря на нездоровье он даже занимался спортом: освоил вождение мотоцикла, что послужило причиной его гибели. Вот как описывает газета «Кавказ» за 1899 г. кончину цесаревича.

28 июня утром он приказал подать «трицикл» (так называли трехколесный велосипед с бензиновым двигателем) и быстро поехал по шоссе. Заметив впереди телегу с молоканкой-молочницей А.Дасоевой, цесаревич дал сигнал, и работник тут же свернул на обочину. Не прошло и десяти минут, как он вернулся, уменьшив ход и отплываваясь кровью. Молочница подбежала к цесаревичу и поддержала его, у которого подкосились ноги. Бережно опустила на землю, и побежав к речке за водой, стала обмывать его лицо, пытаясь привести в сознание. Но бедный юноша, не приходя в сознание, тихо скончался на руках у женщины.

В последний путь цесаревича провожали все местные жители. От Абастумани до Хашури по всей дороге служили молебны. Похоронен Георгий в Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге. На том месте, где упал наследник, была построена часовня из итальянского мрамора. По поводу кончины цесаревича по России ходили зловещие слухи, но его сестра Ольга Александровна была уверена, что смерть была вызвана легочным кровоизлиянием, вызванным тряской при езде на мотоцикле, кататься на котором было ему противопоказано.

Великому князю Георгию было двадцать семь лет, и его смерть, по словам Ольги Александровны, явилась невосполнимой потерей. Умный, великодушный, умевший располагать к себе людей, он мог бы оказать большую поддержку Николаю II. По мнению Ольги Александровны, из всех ее братьев Георгий наилучшим образом подходил на роль сильного, пользующегося популярностью царя. Она была убеждена, что если бы он был жив, то охотно принял бы на свои плечи бремя царского служения вместе с короной, от которой брат Николай отказался в 1917 году, и, возможно, спас бы Россию от коммунистической революции.

«ЕСЛИ ЗАБУДЕМ ИСТОРИЮ, ПОТЕРЯЕМ СЕБЯ»

В советское время мраморную часовню на месте падения цесаревича разрушили. Из храма сделали амбар, алтарь и святой престол уничтожили, фрески Нестерова расстреляли.

Заново храм был освящен в 1988 году, и с тех пор благополучно действует. Когда его восстанавливали, пришел один человек и сказал, что у него есть камень с часовни цесаревича, который он хочет пожертвовать храму для престола. Приехал Патриарх и увидев неканонический престол, велел его сменить. Но когда узнал, откуда этот камень, разрешил оставить.

В храме висит мемориальная плита с краткой исто-

рией создания храма. На месте разрушенной часовни усилиями отца Максима поставлен деревянный православный крест, видный издали. Он надеется, что с Божьей помощью удастся восстановить и саму часовню.

«Цесаревича уважают, – говорит отец Максим, – в каждой абастуманской семье хранятся его фотографии. Это наша история, и в то же время история России, она обближает два наших народа. Мы не должны ее забывать, иначе потеряем себя».

В храмовый пол замурована черная мраморная плита. Тут захоронено сердце цесаревича. Золотая надпись на древнегрузинском гласит: «Упокой, Господи, душу раба твоего цесаревича Георгия». На плите всегда све-

Отец Максим (второй справа) во время службы

жие цветы, принесенные прихожанами.

Отец Максим думает, что цесаревич не был бы против грузинской надписи. «Сердце цесаревича принадлежало Абастумани, месту, которое он любил, – говорит отец Максим. – И Господь распорядился так, что оно осталось здесь».

Хочется понять, что оставила нам история, благодаря которой мы шире видим этот мир. Больше знать о самих себе, ценить великие дела наших предшественников, уважать то, что они смогли сделать, сожалеть о том, что не смогли... Это помогает нам понять себя, приподнимает и облагораживает нас, делает нас богаче.

Жизнь цесаревича Георгия – одна из таких историй.

Клара БАРАТАШВИЛИ

КАВКАЗ

раздался гром аплодисментов. Аплодировал и сам губернатор с семьей, находившийся в своей ложе.

Большую часть сбора решили внести в пользу раненых и инвалидов войны.

На другой день чуть свет мы вместе с Федором Евсеевичем Долидзе покинули Владикавказ и направились в Тифлис по Военно-Грузинской дороге.

Ехали мы очень медленно, в открытой коляске. Отец всю дорогу читал стихи Пушкина и Лермонтова, он знал многие наизусть.

Было невыносимо жарко. Было странно увидеть серые развалины одинокого дома на берегу реки. Мне сказали, что это замок царицы Тамары.

Начало смеркаться, и спустился сильный туман. По мере того как мы взбирались в гору, становилось все холоднее. Еды с собой не взяли — не предусмотрели.

Дорога была узкая и скользкая, и казалось, что копыта лошадей скользят по краю дороги и вот-вот сорвутся. Туман сгушался. Вдруг наверху появился горнец на коне. Он минутку постоял, презрительно поглядел на нас и ускакал. Сразу вспомнились рассказы

Александр Куприн

Солдатский рынок в Тифлисе

В АВГУСТЕ 1916 ГОДА ИЗВЕСТНЫЙ АНТРЕПЕНЕР ФЕДОР ЕВСЕЕВИЧ ДОЛИДЗЕ ПРИЕХАЛ К АЛЕКСАНДРУ КУПРИНУ В ГАТЧИНУ И ПРЕДЛОЖИЛ ПОЕЗДКУ НА КАВКАЗ И В ТИФЛИС. ПОЕХАЛИ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ. НА КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОДАХ КУПРИН ВЫСТУПИЛ С ЛЕКЦИЯМИ (В ЕССЕНТУКАХ И ПЯТИГОРСКЕ). ПОТОМ ЕЩЕ ВЫСТУПИЛ ВО ВЛАДИКАВКАЗСКОМ ТЕАТРЕ И ОТТУДА ПОЕХАЛИ ДАЛЬШЕ ПО ВОЕННО-ГУЗИНСКОЙ ДОРОГЕ. В ТИФЛИС ПРИБЫЛИ 27 СЕНТЯБРЯ И ОСТАНОВИЛИСЬ В СЕМЬЕ КОМПОЗИТОРА ГЕНСИОРСКОГО, ТЕСТЯ ФЕДОРА ДОЛИДЗЕ. НА ПРИСЫЛАЕМОМ СНИМКЕ - ГЕНСИОРСКИЙ С ЖЕНОЙ И ДОЧКАМИ (МАРИЕЙ И ЮЛЕЙ), КУПРИН С ЖЕНОЙ И ДОЧКОЙ КСЕНИЕЙ, А СПРАВА ФЕДОР ДОЛИДЗЕ С СЕСТРОЙ СОФЬЕЙ ЕВСЕЕВНОЙ ДОЛИДЗЕ.

ВСЯ ЭТА ПОЕЗДКА С ПОДРОБНОСТЯМИ ПРЕБЫВАНИЯ В ТИФЛИСЕ ИЗЛОЖЕНА В 9-Й ПЛАВЕ КНИГИ КСЕНИИ КУПРИНОЙ «КУПРИН - МОЙ ОТЕЦ». МОЯ МАМА БЫЛА ГИМНАЗИЧЕСКОЙ ПОДРУГОЙ МАРИИ ГЕНСИОРСКОЙ. ПОСЫЛАЮ ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ К.А. КУПРИНОЙ.

**ВСЕВОЛОД МОХОВ
АВСТРАЛИЯ**

В 1916 году мне особенно ярко запомнилась наша не совсем удачная поездка на Кавказ.

В середине августа приехал импресарио Федор Евсеевич Долидзе, энергичный человек с интересной биографией. В юности он работал помощником паровозного машиниста в тифлисском депо. Он не только сам жаждал учиться, но и организовывал для рабочих научные лекции.

Так началась его просветительская деятельность. По инициативе Федора Евсеевича в 1908 году было создано Народное музыкальное товарищество и проводилось много спектаклей и концертов для широких масс. С 1911 года Долидзе обосновался в Петербурге как антрепренер. По роду своей работы он был знаком и дружил со многими знаменитостями. Встречался неоднократно и с Александром Ивановичем, который часто говорил ему о своем желании посетить Грузию. Помня об этом, Долидзе приехал в Гатчину, чтобы предложить отцу прочесть на Кавказе несколько лекций. Александр Иванович не любил выступать, долго отказывался, но соблазн посетить пушкинские места взял верх. Решили ехать всей семьей.

Перед лекциями отец решил отдохнуть неделю в Кисловодске.

Отдых не удался, ибо пришлось кочевать между Кисловодском, Пятигорском и Ессентуками. Первый вечер состоялся в Пятигорске в курзале. Отец прочитал лекцию о драмах Пушкина. Он закончил ее выражением своей глубокой веры в то, что народ, который имеет великого Пушкина и который со временем весь заговорит на великольном пушкинском языке, даст еще миру много ценного в области искусства.

В Ново-Кавказской гостинице в Ессентуках, где мы

остановились, без конца толпился народ.

21 сентября 1916 года мы должны были выехать во Владикавказ, а потом в Тифлис, по Военно-Грузинской дороге, что в то время было небезопасно.

Знакомые дамы укоризненно качали головами в громадных шляпах, зловеще скрипели корсетами и старались запугать мою маму. Больше всего их возмущало, что берет с собой ребенка. Но мама, всегда дрожавшая за нас, ничего не боялась, когда ее «дети» (отец и я) были с нею. Надо сказать, что из-за своего неистощимого любопытства отец часто подвергал себя всевозможным опасностям.

Несмотря на все рассказы о нападениях разбойников, обвалах, наши планы не переменялись.

24 сентября Куприн выступал с лекцией во владикавказском городском театре.

Зал был переполнен. При появлении отца на сцене

о нападениях разбойников... Все молчали, мама судорожно прижимала меня к себе.

Долго и медленно поднимались мы в гору. Становилось темнее. Наконец заметили огоньки на верху Крестовского перевала. Там, в низком каменном здании, расположился военный караул. Но, когда мы добрались туда, нас не хотели пустить переночевать и довольно грубо сказали, что это не гостиница. Как Долидзе ни убеждал караульных, говоря, что нам невозможно спуститься ночью в тумане, что это опасно, что среди нас есть ребенок, что мы голодны, — ничего не помогло. Наконец, зевая и почесываясь, вышел начальник караула узнать, в чем дело. Ему сказали, что писатель Куприн просится на ночлег, и тут свершилось чудо. — Тот самый Куприн, который написал «Поединок»? Что же вы раньше молчали? И нам оказали самый радушный прием. Каждый солдат старался сделать нам что-нибудь при-

ятное. У меня появились бородатые няньки. Принесли кто что мог: живую форель, вино, свои лучшие одеяла, подушки... Меня положили спать на столе. Остальные разместились на лавках.

Известность Куприна дошла каким-то образом до этого затерянного уголка, до полуграмотных и даже неграмотных солдат. До сих пор меня поражает и волнует популярность отца среди простых людей.

На другое утро нас провожали, как самых близких друзей.

Позднее отец писал своей сестре Софье Ивановне Можаровой: «Ксения оказалась прекрасным дорожным товарищем в нашей поездке на Кавказ, поездке утомительной... впроголодь, без ночлегов, днем в страшном пекле, вечером однажды на вершине хребта в тумане».

В Пасанаури нас также ждала неприятность: хотя начальник владикавказского транспорта, узнав, что едет писатель Куприн, сделал распоряжение, чтобы нам дали лучших лошадей, их не оказалось, и нам пришлось там ночевать.

На другой день, 27 сентября, мы благополучно прибыли в Тифлис и остановились у композитора Генсиорского, тестя Ф. Е. Долидзе.

В Тифлисе гастролировал любимый друг Александра

Ивановича — Иван Заикин, а также Поддубный и другие борцы. Отец очень радовался предстоящим встречам.

В первый же вечер по приезде мы отправились в цирк. Как и всегда, узнав Куприна, один из циркачей известил публику о нашем присутствии, и нас приветствовали громкими аплодисментами. Отца сейчас же пригласили в почетное жюри. Должен был выступить Заикин, который буквально раздавил своего противника Броненосцева.

На другой день состоялся грандиозный банкет.

Любовь к цирку прошла через всю жизнь моего отца. Борец Заикин долгие годы был одним из самых близких его друзей. Великан, похожий на добродушного слона, в квартирах он всегда чувствовал себя неловко, боясь что-либо опрокинуть или сломать. Но его жесты отличались чисто цирковой ловкостью. Он весьма осмотрительно садился на хлипкие стульчики на тонких ножках или брал в свои громадные руки хрупкую фарфоровую чашку. Даже походка его была легкой и осторожной — он как бы боялся раздавить случайно что-либо живое.

В Тифлисе был такой случай: отец, Заикин и Долидзе проходили по какому-то проспекту и увидели огромное скопление народа. Из толпы доносились шум и крики. Это была бурная уличная драка. Заинтересовавшись, отец стал пробираться в гущу толпы, но Заикин, как всег-

да оберегая Александра Ивановича, буквально вытащил его оттуда и увел. Долидзе с удивлением спросил у Заикина:

- Неужели вы, сильнейший борец и чемпион мира, боитесь какой-то драки?

- Я силен на ковре во время борьбы, — ответил Заикин, — а тут всякий мальчишка может пырнуть ножом, и твоя сила останется ни при чем.

Почти каждый свободный от лекций вечер отец проводил в цирке.

В семье Генсиорского было несколько дочерей, и дом был полон молодого веселья. Отец много времени проводил там. Девушки наперебой старались угодить ему — готовили любимые грузинские блюда и всячески баловали его.

Сюда же приходили молодые, начинающие писатели. Отец всегда внимательно к ним относился и помогал кому советами, кому материально чем мог.

Писательниц же он недолюбливал; почему-то совсем не верил, что женщины могут писать, и называл их творчество «женским рукодельем». Иногда он не выдерживал натиска молодых «гениев», и чтение рукописей доводило его до иступления. Тогда он умолял домашних сказать, что он умер, сломал ногу или лежит в горячке. Софья Евсеевна Долидзе вспоминает, как Куприн мгновенно повязался салфеткой, увидев молодого человека с подозрительным свертком в руке, ворвавшегося во время обеда. «Я болен, — жалобно сказал он, — очень болен...» Но на следующий день он снова радушно и терпеливо принимал всех.

1 октября в зале тифлисского музыкального училища состоялась лекция на тему: «Этапы развития русской литературы». Куприна горячо приветствовали. После долгой паузы он наконец начал: — Собственно говоря,

никакой лекции вы от меня не ждите. Это не моя специальность.

В зале произошло смятение. Послышались возгласы: «Как? А на афише...», «А судьба русской литературы?»

Александр Иванович тяжело вздохнул: — Вот вам и судьба русской литературы. Ну, ничего... Я вам все же кое-что расскажу... Свои воспоминания о Льве Толстом, о Чехове, о Горьком.

И Куприн начал рассказывать. После перерыва на эстраду внесли огромную корзину цветов от участников циркового чемпионата. Подношения и подарки борцов всегда как бы соответствовали их «великанским» масштабам. Как-то Поддубный и Илларион, гастролировавшие в Царицыне, послали отцу в Гатчину маленький подарок — три пуда зернистой икры. Весь город ел ее ложками, досталось и большим друзьям отца — гатчинским извозчикам.

Вторая лекция состоялась 2 октября; ее предусмотрительно назвали «беседой». Александр Иванович стал говорить о футуристах, подвергавшихся в то время яростным нападкам критики. Отец выразил свое несогласие с огульным разномом футуризма. Он сказал, что среди них есть настоящие таланты, например, Маяковский и Каменский.

Заканчивая лекцию, отец по требованию слушателей сказал несколько слов и о себе: в молодости он видел многое, побывал везде... и потому его произведения представляют справочник российского бродяжничества...

После лекции Александр Иванович прочел с большой выразительностью рассказ «Как я был актером».

Отзывы тифлиских газет о выступлениях отца были весьма разноречивы. Наряду с благожелательными рецензиями были и «разносные».

Закончив лекционные выступления, отец решил некоторое время пожить в Тифлисе, чтобы основательнее познакомиться с городом.

Он жадно впитывал колорит людей и природы, запахи маленьких духанов и лавочек, торговавших сафьяном. Помню, как смешно и живо рассказывал он о тифлиских банях. Как видно, с пушкинских времен они совсем не переменились. На отца вдруг наскочил голый, худой, проворный старик, стал его мять коленками, топтать, бить, танцевать на нем, ни на минуту не прекращая, несмотря на все мольбы. Старик не понимал по-русски или решил не понимать. Сначала было больно и очень неприятно, но, выйдя из бани, отец почувствовал себя так легко, что много раз потом возвращался к своему мучителю.

В Тифлисе у Куприна были интересные встречи с грузинскими писателями и поэтами.

Павлина Павловна, жена Заикина, рассказала мне о своем пребывании в Тифлисе в 1916 году: «После Ташкента мы попали в Тбилиси, где встретились с Александром Ивановичем. Остановились вблизи цирка у пожилого немца-столяра, недалеко от реки Куры. Там было прохладно и хозяева очень были милыми. Жилье затейливое, полуподвал во дворе, в который можно было попасть, поднявшись на семь-восемь ступенек; пройти площадку и спуститься на семь-восемь ступенек.

Ступеньки были широкие и длинные, заменяли нам диваны и стулья, а на площадке стояли наши кровати и скамейки с примусом. Иван Заикин был большим хлебом и, несмотря на неудобства, пригласил обедать, а после представления в цирке — ужинать и пить чай всех борцов и других знакомых.

Иногда на каждой ступеньке сидело по четыре-пять человек в ряд, держа на коленях тарелки. Александр Иванович часто приходил и включался в цирковые разговоры.

Было очень весело. Казалось, что мы сидим где-то на пристани и ждем парохода.

А Александр Иванович возьмет записную книжку и все считает, сколько раз я поднимаюсь и спускаюсь по ступенькам».

В Тифлисе мы пробыли две недели. 10 октября нужно было уезжать в Баку, где была уже объявлена очередная лекция.

Семья Долидзе устроила в честь отца торжественный обед. Было много приглашенных, проносились тосты, исполнялись грузинские песни.

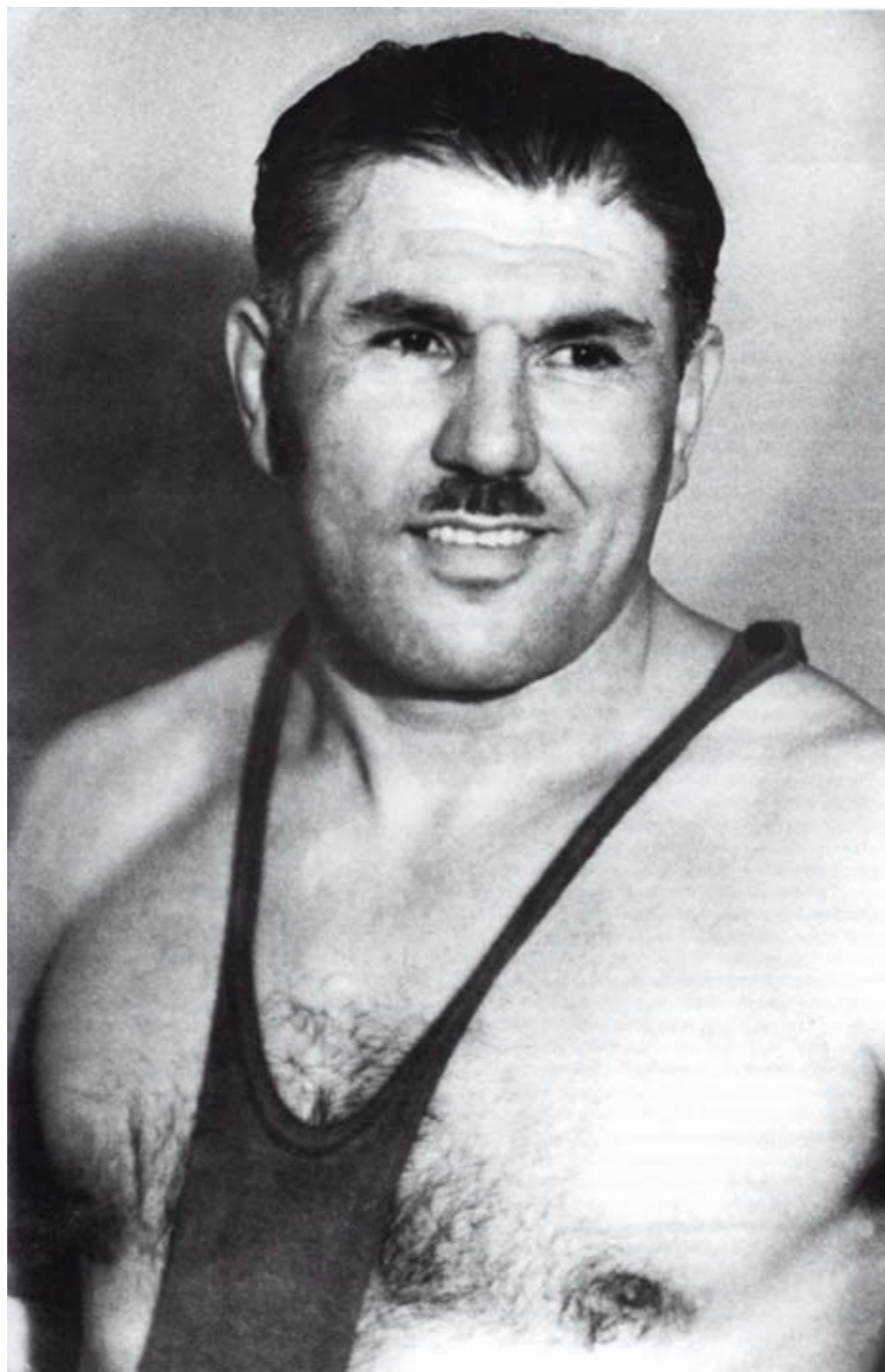
Замечательно играл на цитре Генсиорский. Отец экспромтом написал стихи Софье Евсеевне Долидзе:

Ты недоступна и горда,
Тебе любви моей не надо.
Зачем же говорят мне «Да!»
И яркость губ, и томность взгляда.
Но ты замедлила ответ,
Еще минута колебания...
И упоительное «Нет!»
Потонет в пламени лобзанья.
Генсиорский обещал положить эти стихи на музыку.
На другой день мы покинули гостеприимную семью Долидзе.

Федор Евсеевич задержался в Тифлисе, и нас сопровождал до Баку его племянник, композитор Виктор Долидзе, будущий автор оперетты «Кето и Котэ».

Ксения КУПРИНА
Из книги «Куприн - мой отец»

БОГАТЫРЬ ГРАНИТА КРЕПЧЕ

Арсен Мекокишвили

Ночь перед взвешиванием он провел без сна. Ворочался с боку на бок, думал: «Если, Арсен, ты хочешь вернуться домой с золотой олимпийской медалью, не жалею старых костей». Мысленно переносился в село Гиоргицминда, к берегам Иори, зеленому разливу виноградников... Сосед по комнате полусредневеса Слава Кожарский, «пострадавший» от арсеновой бессонницы, утром пошел жаловаться «начальству», знаменитому в прошлом футболисту Михаилу Семичастному. Семичастный принял соломоново решение: потерянные часы Мекокишвили должен доспать днем.

Накануне соревнований старший тренер Вахтанг Кухианидзе объявил окончательный состав команды борцов вольного стиля: Георгий Саядов, Рашид Мамедбеков, Ибрагим Дадашев, Арам Ялтырян, Василий Рыбалко, Давид Цимакуридзе, Август Энглас, Арсен Мекокишвили. Удивляло отсутствие Вахтанга Балавадзе, чемпиона страны в полусреднем весе, неожиданно попавшего в разряд запасных. Тренеры предпочли отдать его место киевлянину Василию Рыбалко, стареющему чемпиону страны (1945, 1947, 1950), и он доверие «оправдал», заняв 14-е место!

На взвешивании Арсен увидел своих соперников по олимпийскому турниру. Двух он знал в лицо: участника чемпионата Европы 1947 года итальянца Наталле Векки и Бертила Антонссона. За эти несколько лет швед, чемпион мира (1951, 1953) по классической борьбе, чемпион мира (1951) по вольной, заметно возмужал, набрал вес, и теперь стоял в кругу своих почитателей. Вот подходит к Арсену турецкий чемпион Ирман Атан, на чистейшем грузинском спрашивает, есть ли в советской команде еще грузины.

Наши борцы вольного стиля выступали в Хельсинки, по существу впервые, и приходилось на ковре решать задачу со многими неизвестными. Вот и получалось, что некоторые из них, на которых особенно рассчитывала команда, в силу своего немолодого возраста, отсутствия опыта встреч с ведущими зарубежными борцами, оказались за чертой призеров, а то и в числе аутсайдеров. Неудачи настигли их на заключительном этапе; в финал, кроме Мекокишвили и Давида Цимакуридзе, вышел бакинец Рашид Мамедбеков.

Стали считать очки, медали, и получалось, что если Мекокишвили занимает первое место в тяжелом весе, команда побеждает в неофициальном зачете, опережая не знавших поражения в последние годы шведов, а также турок, американцев.

«Все в твоих руках, Арсен», – говорили проигравшие друзья, и он настроился на боевой лад, на решительные действия, продираясь сквозь строй богатырей со всех

континентов. Победив на туше венгра Ковача, квадратного крепыша с копной непокорных волос, с которым боролся во время турне советской сборной в Будапеште, он во втором круге одолел по очкам молодого тучного Вальтера, борца из Западной Германии. Сумев уберечь свои лопатки от ковра, немец после этой схватки, совершенно обессиленный, уже не смог продолжать соревнования. Чемпион Великобритании Кен Ричмонд, соперник Арсена по третьему кругу, будучи брошенный на ковер, неожиданно лишил его равновесия и поставил на полумост. Борьба продолжалась в партере, англичанин прилагал все силы, чтобы хотя бы сдвинуть с места Арсена. Арбитр поднял их в стойку. Ричмонд сделал все, чтобы не растерять свое очко. Он уклонялся от поединка, еле держался на ногах от усталости, шатался, падал, прилипал к ковра, не замечая, что преимущество давно перешло к его сопернику.

Арсен вышел в финал, где его ждал Антонссон. «Северный гигант» весело, почти озорно посмотрел Арсену в глаза, крепко, с чувством пожал руку, и были в этом рукопожатии и приветствие, и вызов одновременно: дескать, держись, старина. А сорокалетний «старик» не думал паниковать. Антонссону шел 31-й год. Швед – сторонник наступательного стиля. Ждать его активности Арсену нельзя, следовало опережать, сковать, а значит, самому атаковать.

Сразу после свистка чемпион мира ринулся вперед, скользящим движением коснулся плеча Арсена, но он успел отпрыгнуть в сторону и сразу между ними возникла привычная дистанция, психологическая «ничья земля» – простор для маневра, атаки, импровизации. Вторично отразив напор шведа, Мекокишвили мгновенно почувствовал, что скандинав теряет устойчивость. Сейчас отличный момент для подсечки. «Северный гигант» сбит в партер, стоит на коленях, руки полуприжаты к груди. Что творилось в зале «Мессухалли». Кричали норвежцы, шведы, финны, подбадривая своего любимца. Сквозь шумовую бурю неслось к Арсену наше «Давай, ломай!» Всей своей тяжестью (120 кг!) он навалился на шведа, пригибая к ковра; захватил из-под плеч шею. Это коронный прием чемпиона мира. Самое время использовать его на самом Антонссоне, который уже пришел в себя, вскочил на ноги. Поспешность его подвела, швед снова оказался внизу, подкошенный молниеносной подножкой. Теперь он не спешит подняться в стойку, набирается сил и ждет свистка судьи, возвещающего об окончании первой половины схватки.

Арсен отпускает Антонссона. Швед тяжело дышит. Он ходит вдоль ковра, ищет глазами тренера, который что-то кричит ему, энергично жестикулируя. По жребию первым сверху борется Антонссон. Зрители привстали с мест: что-то сейчас произойдет. Их кумир берет грузина на полунельсон. Потом Арсен признавался – он мог и не позволить Антонссону захватить шею, но в запальчивости решил испытать на себе силу коронного приема, которым швед побеждал своих соперников. Конечно, очень скоро Арсен пожалел о своем легкомысленном решении, испытал мощь соединенных на шее стальных рук чемпиона. Но невдомек было скандинаву, что Арсен перед Олимпиадой отрабатывал защиту от испытанного оружия Бертила на тренировках с такими колоссами борцовского ковра, как кузнец из Эстонии Иоханнес Коткас и его земляк Август Энглас.

Сколько времени продолжался этот захват? Минута, полторы. Но вдруг захват ослаб. У Антонссона затекли руки, он разжал их, недовольный, что потратил силы впустую. Сейчас Арсену можно, конечно, не рисковать, чтобы не расплескать преимущество, но такая борьба не в его характере. Он будет наступать. Проводит свой излюбленный прием. Силой рук и ног, тяжестью тела сбивает Антонссона на бок; потерявший опору швед поставлен на полумост. Есть еще одно очко. «Северный

гигант», как и в предыдущей схватке Ричмонд, прибегает к глухой защите.

В стойке проходят последние три минуты схватки. Слышен голос тренера советской сборной Александра Сенаторова: «Осторожней, твое преимущество». Арсен продолжает наступать, заставляя обессиленного соперника спасаться уходом за край ковра.

Свисток судьи застает Арсена в атаке. Мекокишвили – олимпийский чемпион в тяжелом весе по вольной борьбе!

Наказ товарищей выполнен – наша команда после его победы набирает 27 очков, опережая на очко шведов, на два очка – борцов Турции.

Он стоял усталый и счастливый, опустив большие крестьянские ладони, чувствуя не только радость, но и грусть, посетившую его так некстати в час триумфа. Победа, великая и долгожданная, пришла к нему в сорок лет, когда он, может быть, уже был не таким ловким и выносливым, как в молодые годы.

Арсен приехал в родное село Гиоргицминда, где старики помнили его отца. Фидо Мекокишвили тоже

Арсен Мекокишвили - олимпийский чемпион!

А.Мекокишвили с друзьями - чемпионами

был великим борцом – мочидаве, бросавшим вызов самому Сандро Канделаки, и в запальчивости даже утверждали, что даже более великим (но не станет Арсен оспаривать первенство отца, которого лишился в пять лет) и умел выращивать виноград, и это здесь сына, 19-летнего, будущего олимпийского чемпиона Хельсинки, выбрали бригадиром виноградарей, признав его знания и авторитет.

Утвердившись еще в довоенные годы сильнейшим палаваном Грузии, Арсен в 1944 году переехал в Москву, где его талант раскрылся в полном блеске. Мекокишвили совершил невозможное – на протяжении двух десятилетий одинаково успешно выступал в трех видах борьбы – вольной, классической, самбо. 17 золотых медалей чемпиона страны – тому свидетельство. А еще победа на Дружеских Играх молодежи в Бухаресте (1953), где он первенствовал в тяжелой весовой категории, опередив англичанина Кена Ричмонда и чеха Йозефа Ружичку.

Следующий год сборная команда СССР в преддверии чемпионата мира начала серией международных встреч с борцами Швеции. Антонссон и на этот раз не смог победить заслуженного мастера спорта – Арсен в партере стоял, как гора. Поменявшись через три минуты со шведом местами в партере, он бросил его через полумост. Не надеясь, что Бертил сможет победить Мекокишвили в повторной встрече, шведские тренеры выставили против него трех молодых тяжеловесов, но и они не смогли выстоять против олимпийского чемпиона. Через две недели наш чемпион установил своеобразный рекорд в матчевой встрече со сборной Норвегии, завершившейся разгромом хозяев ковра – 16:1. Поло-

жив на лопатки чемпиона Норвегии Э. Горгенсена, Мекокишвили попросил дать ему еще одного соперника, который смог продержаться на ковре всего несколько секунд.

Перед чемпионатом мира Мекокишвили провел более десяти международных встреч с сильнейшими борцами Европы и у всех выиграл.

Особенно восхитила его схватка в Будапеште с двухметровым гигантом Йозефом Ружичкой – вес чеха превышал 130 килограммов. Когда измученный подсечками, Ружичка, отягощенный грузом проигранных баллов, уверовал в почетный для него проигрыш по очкам, он оказался на лопатках. За 16 секунд до конца встречи.

В 42 года Арсен стал чемпионом мира в Токио (1954), вновь доказав свою силу в поединках с лучшими тяжеловесами планеты – швед Бертил Антонссон, финн Таисто Кангасниemi, венгр Нотни Невени, турок Ирфан Атан, иранец А.Вафадор сложили перед ним оружие.

Еще через два года стамбульский турнир собрал основных претендентов на золотые медали всех весовых категорий. Первый розыгрыш Кубка мира (май 1956) был своеобразным чемпионатом мира. За команду хозяев выступал молодой тяжеловес Хамид Каплан, который сразу вырвался в первые ряды «королей ковра». Судьба первого места решалась в поединке Каплан–Мекокишвили. Попеременная борьба в партере не выявила ничьего преимущества. Незадолго до финального свистка Арсену удалось перевести в партер своего молодого соперника. Когда было объявлено о победе Мекокишвили, стадион разразился угрозами в адрес советского чемпиона, которого под конвоем провели в команду для участников, где он был в относительной

безопасности. На другой день стало известно, что судейская коллегия под давлением спортивных деятелей объявила победителем Каплана. Так фактического победителя Мекокишвили лишили первого приза, впервые в жизни он был объявлен вторым на международном турнире. Первая и последняя «проигранная» им схватка зарубежному спортсмену.

Через несколько месяцев, в августе олимпийского 1956 года Арсен Мекокишвили снова доказал, что ему нет равных среди борцов тяжелого веса. Он выиграл золотую медаль I Спартакиады народов СССР, победив молодых атлетов Савкуза Дзарасова, Бориса Прутковского, Ивана Выхристюка.

Участники советской олимпийской сборной по вольной борьбе (старший тренер Алексей Катулин, специалист по классической борьбе) до последнего дня не знали, кто из них поедет в Мельбурн. Долго решался вопрос, кому отдать предпочтение среди тяжеловесов – 43-летнему чемпиону мира и Олимпийских игр-52 Арсену Спиридоновичу Мекокишвили или 22-летнему Ивану Выхристюку, который на Спартакиаде был только пятым. Арсен ходил за тренерами, каждый из которых, кроме Катулина, был гораздо моложе его, и умолял: «Дайте побороться в последний раз, я не подведу!»

Не уважили просьбу мудрого патриарха – в Мельбурн отправился Иван Выхристюк, дальше третьего круга не прошел и занял шестое место. Долго потом тренеры стыдливо отводили глаза, когда обсуждались причины провального выступления тяжеловеса, когда был нарушен спортивный принцип комплектования сборной. Олимпийским чемпионом стал Хамид Каплан, на последующих местах – болгарин Юсейн Мехмедов, финн Таисто Кангасниemi, англичанин Кен Ричмонд – знакомые все лица для Арсена, в свое время обиженные им на ковре.

И словно исправляя неисправимое, когда страна чувствовала победу наших олимпийцев в Мельбурне, вспомнили Мекокишвили – наградили орденом Трудового Красного Знамени. К этой радости ветерана пришивалась печаль – он больше не выйдет на ковер.

По совету врачей Арсен едет в Грузию, поселяется в родном селе.

Однажды, уже в пожилом возрасте, вновь заставил заговорить о его недюжинной силе. Из Тбилиси в Кахетию направлялся экскурсионный автобус. Когда проезжали мимо таблички «Село Гиоргицминда», шофер объявил, что здесь живет знаменитый борец, олимпийский чемпион Арсен Мекокишвили. «Да, я знаком с Арсеном Спиридоновичем, – неожиданно отозвался один из пассажиров. – Давно, наверно, лет десять назад я, совсем юный, двадцатилетний мастер спорта, боролся с ним и, конечно же, проиграл. Мекокишвили положил меня на лопатки». И после паузы добавил с усмешкой: «Теперь я бы наверняка смог отыгаться. Чемпион-то уже старый!».

Эти слова сильно задели пожилого шофера, который даже остановил автобус. «Да ты понимаешь, что говоришь, – сказал он, – нет такого человека, который мог побороть нашего Арсена. Он даже больной и старый тебя положит. Поедем сейчас в Гиоргицминда и покажи, какой ты молодец».

Через считанные минуты автобус остановился перед домом Арсена Мекокишвили. Богатырь работал в саду. Выслушав гостей, он молча снял рабочую куртку, потом повернулся к тому, кто собирался положить его, принял боевую стойку. Через несколько секунд к радости собравшихся односельчан впечатал хвастуна лопатками в землю.

Вечером пришли к чемпиону старики. Сняли шапки, низко поклонились ему в пояс: «Спасибо, Арсен! Не посрамил ты чести нашего края! Прочул хвастуна!»

Умер Арсен Мекокишвили 7 марта 1972 года, не дожив до шестидесяти немногим больше месяца.

Отдать последний долг непобедимому чемпиону приехали издалека. Лил холодный мартовский дождь, но никто не спешил укрыться от ненастья. Похоронили они Арсена на скромном сельском кладбище, выполняя его волю, на краю Гиоргицминда, где лежали его предки, и поклялись друг другу, пока жив хоть один из них, они не забудут Арсеноба – день памяти борцов.

И сегодня на фоне гор высится трехметровый гранитный памятник. Из большой монолитной скалы выходит богатырский бюст Арсена, словно могучими руками раздвинул он каменные волны.

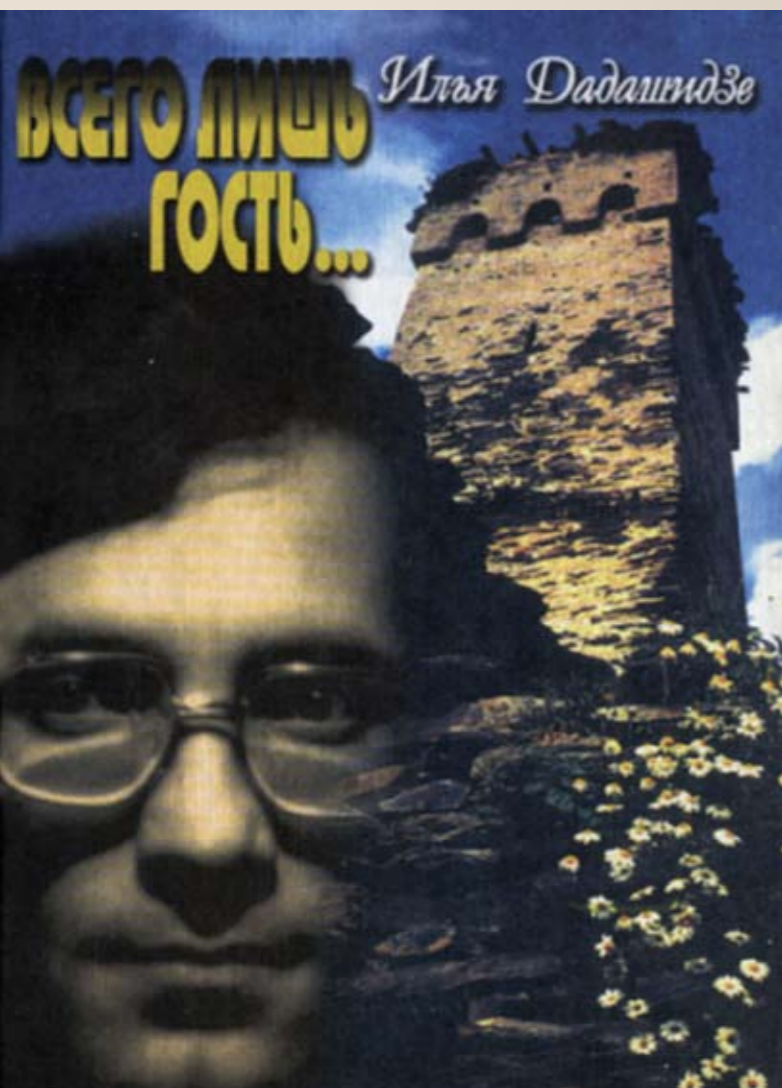
...Осушили, как принято, несколько стаканов вина – Мекокишвили любил доброе кахетинское. На обратном пути не заметили, как превысили скорость. Остановил их свисток автоинспектора. «Откуда едете?» – «От Арсена». Инспектор смотрит, не понимая. «Мекокишвили!» Спрашивающий смотрит на этих немолодых крепких мужчин, возвращает документы: «Ступайте с Богом. Только будьте осторожны на дороге».

Арсен ЕРЕМЯН

Роман Руруа и Гиви Картозия на Арсеноба

ЖИЗНЬ НА НИТОЧКЕ ШАЛЬНОЙ

Господи, удостой утешать, а не ждать утешения, понимать, а не ждать любви. Ибо кто дает, тот получает, кто забывает себя, тот обретает, кто прощает, тому простится, кто умирает, тот проснется к жизни вечной. Аминь.

Святой Франциск Ассизский

Это была любимая молитва Ильи Дадашидзе, поэта, публициста, журналиста, нашего с вами современника. Была. Его не стало в 2001 году.

*Ладони окуная в синеву ...
(И. Дадашидзе, «Сумерки на Мтацминде»)*

У каждого города своя тональность, свой музыкальный бренд. Или, как сказал бы Федерико Гарсиа Лорка, свое дуэнде (исп. шарм, обаяние). Из года в год, от лета к лету заводит песню «Тбилиси» город под лазурным небосводом.

Григол Робакидзе писал в романе «Змеиная рубашка»: «Город качается. Тбилиси пьян. С вершины одной горы поэты читают стихи: кричат стихи в чей-то дом. Обломки их стиха повторяет кто-то в том доме...»

Мы же повторим стихи за Ильей Дадашидзе: «Я в этом городе не вспоминаю о смерти/ И не печалюсь, что юность, как дым, миновала./ Только бы вновь на увенчанной звездами тверди/ Видеть, как прежде, беспечного утра начало...» («Прощание с Тбилиси»).

Тбилиси у каждого свой, он – тайна, загадка, жар-птица и Летучий голландец одновременно. Тбилиси Ильи – «город гортанный», южный, шумный, светлый. Вечный.

РЕВНОСТЬ ПО ДОМУ

Удивительную силу имеет художественный образ. Если он истинный, кристально чистый и от сердца, он – на века. Что замечательно – поэтический образ как липовый цвет, необходимо отойти на расстояние и тогда прочувствуешь его в полной силе. «Сизой свечою на солнце горит Кошуэта» - и перед взором храм на проспекте Руставели в зеленой дымке деревьев, храм, украшенный рукой Ладо Гудиашвили.

Илья часто приезжал в Тбилиси. Здесь были его друзья – святое для него сообщество. Здесь были его корни (он был из рода Дадашкелиани – светлейших князей Сванетии) и зов «прапрадедов» возвращал вновь и вновь на грузинскую землю.

Нашел ли Дадашидзе здесь свой дом?

И опять из Григола Робакидзе: «В Тбилиси домой не возвращается никто... Здесь повсюду – «твой» дом. Бродить по Тбилиси – что может быть лучше?!»

А вот из Ильи: «Я всего лишь гость/ На родине – и не прирос корнями/ К ее земле, кремнистой и блаженной./ Отеческой...»

Или

«Уезжая, твердить на прощанье,/ Как в забытьи, безотчетно, невнятно/ Звонкоголосые улиц тбилисских названья,/ Чтоб, расставаясь, сюда возвратиться обратно».

Его первый поэтический сборник, выпущенный тбилисским издательством «Мерани» в 1982 году, назывался «Ревность по дому».

Из предисловия Беллы Ахмадулиной: «Ее (Грузии) притягательность, ее власть над нашими снами и устремлениями обращены к Илье Дадашидзе с особенной пристальностью. Ведь это родина его крови, содевшая его жизнь...»

В рецензии на книгу поэзии «Ревность по дому» поэт Елена Николаевская пишет:

«То чистотой цвета, тонов и полутонов акварели, то маслом – мазками пишет Дадашидзе свою Грузию, ревностью, со всем усердием и старанием своим – и в собственных стихах, и воссоздавая на русском языке стихи поэтов Грузии... Сложился цельный образ книги ... И – образ грузинской земли, облик, портрет города, вобравшего в себя понятие Дом».

Но все-таки, почему ревность? В устаревшем первоначальном значении «ревность» - горячее усердие, рвение.

Илья строку диктует – нет, не просто чувство как у Бориса Пастернака, а ревность по дому – и это уже алаверди к Александру Блоку.

Сравним: «То ревность по дому, тревогою сердце

снедая,/ Твердит неотступно: что делаешь, делай скорее» – А.Блок

«И с новой силой ревностью по дому/ Прапрадедов/ Опять томится сердце» – И.Дадашидзе

Тбилиси, где «сбегают спуски, дыбятся подъемы/ И улочки текут одна в другую -/ Плутают, извиваются, кривятся...», так и не стал до конца его городом. Корни питают дерево. Илья любил Баку, не мог существовать без Тбилиси, уже много позже обосновался в Москве. Баку-Тбилиси-Москва – три столицы питали его стихи.

РАСПАХНУТЫЙ ТБИЛИСИ

Итак, Илья приезжал сюда встречать сумерки на Мтацминда. Как вспоминает поэт и переводчик Наталия Соколовская, останавливался то на Барнова у Гии Маргвелашвили, то на Гогебашвили у Ниты Табидзе. Ностальгия по старому укладу... «Распахнутый Тбилиси» и тут же – «теснящийся Тифлис», «Птички домики-скворешни и высотные дома». Таков закон, что новое заступает на место старого. И все же автор подытоживает: «Я люблю смещенья эти...» И в продолжение: «Жизнь спотыкается, и время не течет».

У Ильи – молниеносные образы, образы ливнем. Он пишет свои полотна: вот Нарикала словно «задник театральный», где «неделимый свет летящий – золотой небесный свет», и «тбилисские хриплые звезды ... плывут без руля и ветрил», а вот горит звезда (его звезда?!), как желтый глаз кошачий... И поджидая первые лучи восхода: «Светает за моим окном./ И все вокруг еще в наброске./ Едва намечены мелком/ И мост, и улица, и дом,/ И перекресток, и киоски» («Кутаисский рассвет»).

Поразительно легкие сновидения, перекликающиеся с явью: звуки, движение, сочность красок.

Музыкальность ощущается в его собственных стихах, и в переводах (он учился в Азербайджанской консерватории по классу флейты, но на втором курсе бросил и «убежал» к стихам на филфак). «Пластическая выразительность, ясность и четкость манеры Ильи Дадашидзе, безукоризненная музыкальность которого добрососедствует с благородством его взгляда на предмет, его душевных состояний...», - так писал ведущий рубрики «Свидетельствует вещий знак» журнала «Литературная Грузия», публицист Гия Маргвелашвили.

По рассказам литератора Анаиды Беставашивили, Гия стал «крестным отцом» Дадашидзе в Тбилиси. «В квартире Этери и Гии ... проходили тест, ведомый одному хозяину, лучшие поэты 60-х годов. Илюша выдержал экзамен с честью и впоследствии удостоился заслуженной публикации в серии «Свидетельствует вещий знак...» ... Этот уникальный в своем роде журнал стал для Ильи родным домом».

В архиве семьи Маргвелашвили посчастливилось найти стихи Ильи:

«Я спал под Этериной шубой,/ Уйдя от эпох и времен,/ Бежав повседневности грубой в счастливый младенческий сон...»

Последний романтик? Возможно.

Хрупкий интеллигент ... Дон Кихот... Энтузиаст мандельштамовского наследия (он готовил диссертацию о Мандельштаме, что в то время было не просто запредельной мечтой, но немислимимым воплощением в жизнь). Это все об Илье.

ПЕРЕД ЭТИМ ГОРЕМ ГНУТСЯ ГОРЫ...

(А.Ахматова, «Реквием»)

Анаида Беставашивили писала, что «трагические судьбы репрессированных поэтов – это была кровоточащая рана в сердце Илюши...» Поразительно, откуда он брал силы и энергию, «выбивая» в печать свои и переводы других - Тициана и Галактиона Табидзе, Паоло Яшвили и Колау Надирадзе...

Юлий Даниель в Москве и Александр (Шура) Цыбулевский в Тбилиси – оба поэта, отсидевшие в лагерях, его друзья – за них тоже болела душа.

В 1992 году в газете «Московские новости» вышло его пронзительное, искреннее интервью с легендарным Чабуа Амиреджоби, прошедшим ГУЛАГ (за колючей проволокой он провел 16 лет), совершившим три побега, дважды «врагом народа».

Илью называли мостиком между островками одиночества. Он тянулся ко всем, кому нужна была помощь и человеческое понимание.

И, наконец, знакомство с Надеждой Яковлевной Мандельштам.

Это история на редкость нежной дружбы молодого литератора и женщины, прожившей трагическую жизнь, сохранявшей и трепетно оберегавшей наследие своего великого мужа. Обаяние Ильи, его необыкновенная доброта и порядочность подкупили естественную подозрительность Надежды Яковлевны (все знали ее скудость на проявление теплоты, когда касались ее «Осюши»). Так или иначе, она полностью доверилась Илье.

Уникальность этой хрупкой на вид женщины, с железным непрогибаемым стержнем не могла не вызывать восхищения. Каждый божий день она не боялась обыска, отнюдь, она была готова к нему в любое время суток. Ее память несла гордо, достойно все наследие Осипа.

«В ТЕНИ СОБСТВЕННОГО ДАРА»

Так называлось предисловие Андрея Битова к книге «Всего лишь гость» Ильи Дадашидзе, подготовленной и посмертно изданной Радио «Свобода» и Русским ПЕН-центром в 2003 году. «Русский поэт Илья Дадашидзе ... свои стихи ... писал в секретном содружестве с Оси-

Эскиз семьи И.Дадашидзе

пом, Галактионом, Олегом и Беллой: они умели слушать его и молчать...» (прим. О.Мандельштам, Г.Табидзе, О.Чухонцев, Б.Ахмадулина)

А еще он был влюблен в поэтов Серебряного века – мог бесконечно читать их стихи наизусть друзьям. Дышать стихами – состояние души, когда вне этого жить не в силах (как у Иосифа Гришашвили).

«И жизнь моя на ниточке шальной...» Эта стихотвор-

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

**УПРАВЛЯЮЩЕМУ ТБИЛИССКИМ
АКАДЕМИЧЕСКИМ РУССКИМ ДРАМАТИЧЕСКИМ
ТЕАТРОМ ИМЕНИ А.С.ГРИБОЕДОВА И
РУКОВОДИТЕЛЮ «СВОБОДНОГО ТЕАТРА», ЛАУРЕАТУ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ ГРУЗИИ, ЛАУРЕАТУ
ПРЕМИИ ИМ.КОТЭ МАРДЖАНИШВИЛИ
АВТАНДИЛУ ВАРСИМАШВИЛИ
ИСПОЛНЯЕТСЯ 50 ЛЕТ.**

Автандил Варсимашвили

Знаю его давно – помню еще первое знакомство, когда Авто работал в Театральном подвале, первую его постановку на сцене театра имени Грибоедова – спектакль «Тереза Ракен», порадовавший своей открытой эмоциональностью, накалом страстей, необычным режиссерским решением.

Варсимашвили – из тех режиссеров, которые не боятся брать за самые сложные творческие задачи, смело штурмуют, казалось бы, недоступные вершины искусства, готовы вступать в полемику с признанными авторитетами и разрушать стереотипы. Один из таких дерзких «прорывов» Авто Варсимашвили – постановка «Мастера и Маргариты», вызвавшая большой ажиотаж. Спектакль грибоедовцев долго шел на сцене театра имени Ш.Руставели и привлекал внимание как русскоязычного, так и грузинского зрителя. Многие брались за воплощение этого загадочного произведения на сцене и на экране, но не всем это удалось сделать. Авто сумел найти верный сценический язык, чтобы передать своеобразие булгаковского романа, его многомерность, философскую глубину и мистический код.

Еще один успешный творческий вызов недавнего времени – спектакль «Кавказский меловой круг», поставленный на сцене «Свободного театра». Режиссерский подход Варсимашвили к знаменитой пьесе Бертольта Брехта в корне отличается от решения уже ставшей классикой постановки Роберта Стурюа. Авто предложил зрителям жесткую хронику событий – с очевидным посылом в современность, в день сегодняшней, с его политическими коллизиями.

Варсимашвили предпочитает жесткий сценический язык, социальную и политическую заостренность, живой отклик на окружающие реалии; одновременно его волнуют, будоражат вечные темы, классика, к которой он подходит бережно и внимательно. Достаточно вспомнить его спектакли по рассказам Чехова «Жизнь прекрасна!», «Страсти по Гольдони»... Стали событиями культурной жизни скандальный спектакль «Russian блюз» по рассказам русских писателей XX века и блистательная «Ханума».

Я люблю спектакль «Кроткая» по знаменитому рассказу Ф.Достоевского, поставленный на сцене театра имени А.С.Грибоедова. Авто Варсимашвили вновь вступает в активный и плодотворный диалог с автором, пропускает через свой человеческий, личностный опыт размышления, страдания, поиски истины героя «Кроткой». И при этом предлагает современный сценический язык, новую эстетику, приближая коллизии рассказа к нынешнему зрителю.

Из любимых зрителем спектаклей Варсимашвили – «Гамлет», поставленный как всегда неожиданно, ярко, с размахом. С режиссером любят работать самые известные актеры – Гурам Сагарадзе, Татули Долидзе, Гоча Капанадзе...

Театралы не только Грузии высоко оценили спектакль «Пляска смерти» Стриндберга с участием Рамаза Чхиквадзе.

Перед Авто Варсимашвили – новая вершина. Он задумал постановку «Доктора Живаго» по роману Бориса Пастернака. Надеюсь, что режиссер сумеет осуществить этот грандиозный замысел... Пожелаем ему удачи!

Иногда удивляешься, как много успевает сделать Авто, сколько у него энергии. Интересны опыты Варсимашвили в области кинорежиссуры – недавно состоялась премьера его новой картины под названием «Все будет хорошо!» Это эксцентрическая комедия... А его работа на телевидении? Многие знают и ценят Авто Варсимашвили и как режиссера телевидения.

Импонирует и то, как Варсимашвили работает с текстами, как он талантливо создает инсценировки – в работе с прозой ему свойствен вдумчивый, тщательный подход к слову.

Что можно выразить в небольшой юбилейной статье? Разве что свою любовь и пожелания добра. А добро для Варсимашвили – это новая, интересная, увлекательная работа. Кстати, Авто плодотворно работает за рубежом, где его творчество тоже находит высокую оценку взыскательного зрителя.

Инна БЕЗИРГАНОВА

Коллективы Грибоедовского театра и МКПС «Русский клуб» присоединяются к поздравлениям и желают Автандилу Эдуардовичу Варсимашвили новых творческих успехов, всего наилучшего.

В мастерской Ладо Гудиашвили

жил щедро и беззаветно. Поэт Юрий Ряшенцев считал, любовь Ильи к друзьям «доходила до почти религиозного обожания». Он не терпел критики в их адрес, был рядом, когда трудно и встречал их радости как свои.

И сколько книг воспоминаний могло бы выйти из-под его пера о дружбе и многочисленных встречах с Сергеем Параджановым, Эличкой Ахвледиани, Ладо Гудиашвили и Нитой Табидзе ...

16 СЕНТЯБРЯ 2001

Ушел из жизни еще один гражданин мира, а именно таким Ильи и был.

В день похорон, 19 сентября, вышла передача на Радио «Свобода». Уже без Ильи, посвященная ему.

«Долг пред миром! ... Именно в долге перед миром видит он свое предназначение художника» - так писал Ильи о Григоле Абашидзе (которого переводил не раз). Собственный долг – перед миром, перед друзьями, коллегами, семьей, родной землей и эпохой – он отдал сполна.

Приходит на память сказанное об Илье Андреем Битовым: «Вот, сердце было у человека, не только банально, но оно действительно было...»

А сердце было больным.

«Жизнь, как ношу, сбросить у порога» - это из галактионовской «Свечи Родины» в переводе Дадашидзе.

Что же такое порог жизни? Кому под силу предугадать его? И надо ли ...

А ХОТЕЛИ БЫ ВЫ ЖИТЬ ВЕЧНО?

Это название последней из подготовленных им передач. Что бы ответил он сам?.. Ответа нет. И что такое по большому счету понятие «вечность»? Ильи Дадашидзе и сегодня с нами. Добрая память о нем жива. Еще остались его стихи, переводы, передачи. Нет, это не пройдет бесследно. Не может пройти.

Алена ДЕНЯГА

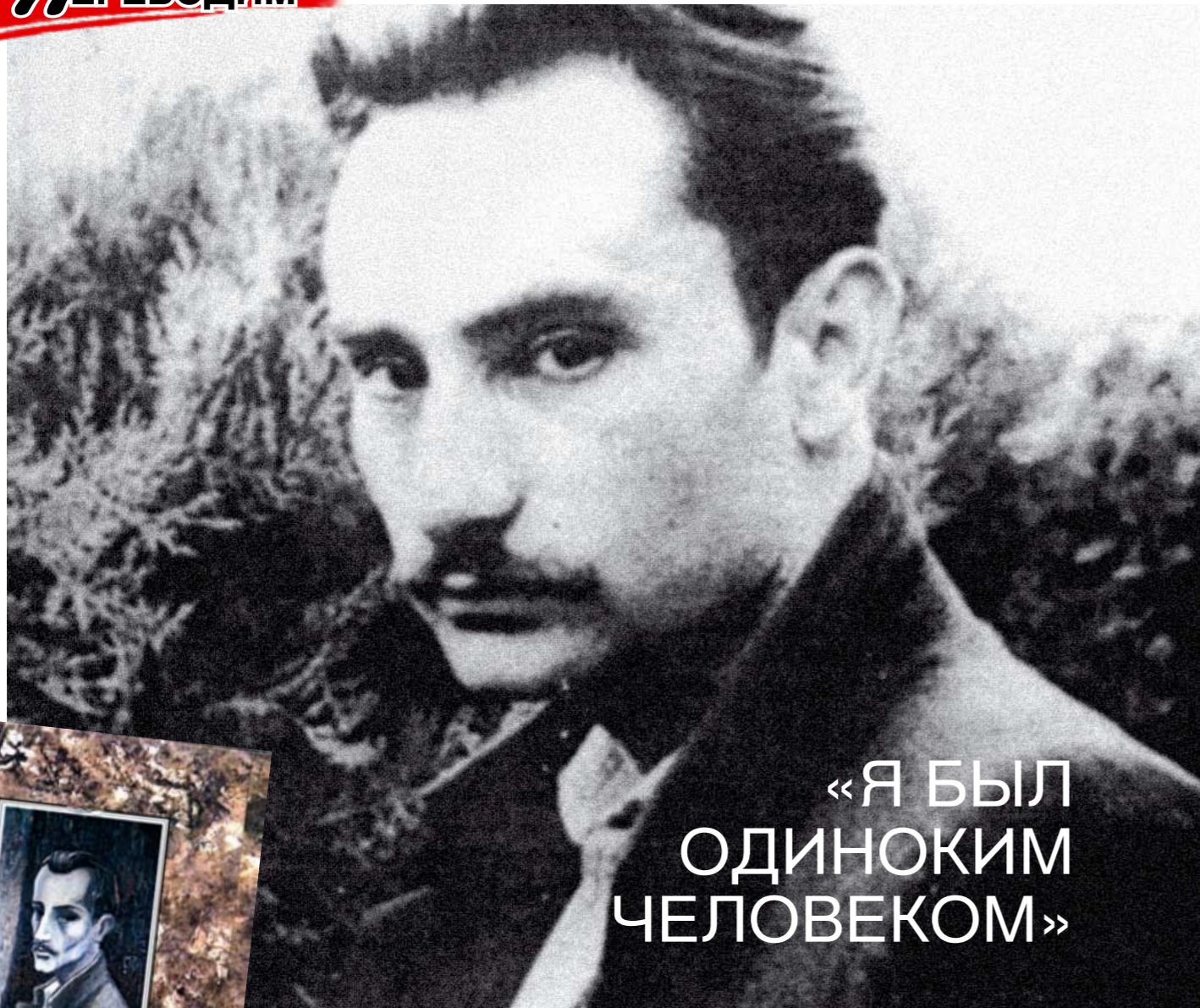
С Юлием Даниелем

ная строка стала знаковой – рука судьбы забросила его вместе с семьей в Москву. Переезд был вынужденной мерой после бакинских событий 90-х годов. Безусловно, это не могло пройти безболезненно. В 1991-м Ильи перенес инфаркт.

В Москве Дадашидзе начал работать на Радио «Свобода». Многие считали, что журналистика, ставшая основным занятием, тем самым вытеснила и заглушила его поэтический дар. И как у Татьяны Бек: «Стихотворная строчка спит./ Я истаяла, я устала./ До свидания, алфавит».

Близкие не раз советовали ему не обижать стихотворный дар. А то уйдет... Но на место Ильи-поэта пришел профессиональный Илья-журналист.

Друзья были особой темой для Ильи. Борис Мессерер назвал его гением дружбы, указывая на его «тбилиское чувство дружества». Он умел дружить и дру-

«Я БЫЛ ОДИНОКИМ ЧЕЛОВЕКОМ»

Был он примерно двадцати пяти лет, когда его я впервые увидел. Темноволосый, красивый, с необыкновенно живыми глазами, он запоминался при встрече. Разговаривая размахивал руками. Этот жест позже очень остроумно отмечал в одной своей миниатюре.

Была поздняя осень. На Шота (позже узнал, что это поэт Шота Чантладзе) был отлично сшитый костюм. Темные

волосы были зачесаны назад. Он шел, разговаривая с Мухраном Мачавариани.

Голову Мухрана украшала грива волос, спадающих на затылок, одет он был в свитер толстой вязки, напоминающий кольчугу, что придавало ему сходство со средневековым рыцарем. Было трудно не обратить внимание на эту пару и не проводить взглядом. Через несколько месяцев я познакомился с ними в Кировском парке, и беседы наши оказались очень содержательными.

Шота с молодости заметно сутулился. Помню, од-

нажды об этом зашел разговор, ему сказали, как ты, молодой человек, и ходишь согнутый. Шота со свойственным ему юмором отвечал: «Это потому, что на мои плечи всей тяжестью давит небо». Мухран тогда от души расхохотался, сказал, что его друг берет на себя слишком много, такое разве что Богу было бы по силам. Шота только улыбнулся: он всегда прибегал к шутке в общении со знакомыми, остроумной и незлой.

Сегодня никто не сомневается – Шота, с его талантом и способностями, несравненно больше мог бы сделать, но почему-то не заладились его дела.

Помню то время (1954), когда в селе Малая Ирага Тетрицкаройского района (большую часть его населения составляли греки) начал работать учителем грузинского языка. Его не пугали одинокая жизнь и трудности быта. Временами приезжал в Тбилиси. Шел с большой сумкой, набитой банками консервов и другими нехитрыми припасами, и возвращался в Акбулах (так называли Тетри-Цкаро). Как-то на зимних каникулах встретились. Воротник его пальто был поднят, на голове – шапка. Когда спросил его, как устроился на месте, он только рукой махнул – дескать, я человек городской, жизнь в селе не по мне, но очень хорошие ребята в школе, работать с ними одно удовольствие. Видно, и Шота любили местные. Его ученики не забывали, навещали в Тбилиси,

дружба с ними продлилась на годы, они переписывались.

Учительство Шота выдержал один год, грузинский в той школе уже не проходили, и Шота вернулся в Тбилиси. Без дела он никогда не оставался: писал, занимался переводами и время от времени их публиковал. Собственные стихи до этого принес в редакцию журнала, редактор, сам известный поэт, не проявил должное внимание, и после этого Шота нигде не пытался их опубликовать. Когда несколько раз близкие товарищи заговорили об этом, он отказался наотрез. Зарабатывал гроши в сатирико-юмористическом журнале «Нианги» («Крокодил»), редактором которого тогда был Нодар Думбадзе; приносил, в основном, темы для карикатур, небольшие юморески, остроты. В журнале вместе с обложкой было восемь страниц, и авторы толпами ожидали своей очереди (как писал с юмором Шота в своем единственном стихотворении на русском: «Кто дышит, тот пишет...»), и публикация в одном номере была свидетельством уважения редакции к другу – внештатному корреспонденту-юмористу, но одним уважением сыт не будешь.

Он так и не смог устроиться на работу. Приходил в редакцию университетской многотиражной газеты к редактору и поэту Зауру Болквадзе, который всегда готов был помочь. По-прежнему с ним рядом был друг молодости Мухран Мачавариани, и если бы не несчастный случай, наверное, скоро все бы изменилось к лучшему в его жизни.

Шота принимал участие в фольклорных экспедициях, обошел многие регионы Грузии (сохранились дневники и записи того времени).

В последние годы много переводил. В первую очередь надо назвать совместный с Мухраном Мачавариани и Гиви Дзнеладзе перевод финского эпоса «Калевала». Гонорар Шота Чантладзе принесли уже в больницу. Рассказывали, он положил деньги под подушку и сказал, что теперь он богат. Кроме «Калевалы», он перевел со свойственным ему вкусом и необыкновенным богатством лексики «Ирландские саги», о чем написал в интересном предисловии Звиад Гамсахурдиа.

Как и раньше, по утрам приходил Шота в университетский сад, где его окружали студенты – начинающие поэты...

Шота родился 13 июня 1928 года в селе Земо Акети Ланчхутского района, откуда родом была его мать, Элисо Хухунашвили-Чантладзе. Раннее детство (до семи лет) провел в отцовском селе Бжолиети и детские впечатления отражены в его стихах. В 1934 году семья переехала в Тбилиси, где через шесть лет им выделили однокомнатную квартиру на улице Меликишвили, по соседству с университетом, филологический факультет которого он закончил в 1952 году.

Горько вспоминать, что этот литератор, награжденный высокопрофессиональными знаниями, при жизни не опубликовал ни одной своей стихотворной строчки; иронией судьбы выглядит сегодня факт, что генерал МВД угрожал ему высылкой из Тбилиси за тунеядство (вспомним историю с Иосифом Бродским!). Между тем, Шота был образцовым мастером стиха, от многих современников, коллег отличался тонким чувством формы, в совершенстве владел традиционными размерами. Особенно значительны его заслуги в деле развития грузинского свободного стиха.

Среди его прекрасных миниатюр хочется отметить

«Схолия» – подлинный шедевр, привлекающий внимание поэтичностью и глубиной замысла. Это потом вышли его книги, были написаны обширные статьи о его творчестве, на доме, где он жил, установили мемориальную доску. При жизни о Шота знал только узкий круг писателей.

...Был вечер 27 ноября, ненастный, ветреный, с крыши доносился шум проводов. Зашел ко мне критик Гоги Гачечиладзе, дома мы не задержались и пошли проведать Шота в больницу. Поднялись на второй этаж. Дверь в палату была открыта. Он лежал на железной кровати, с лицом, искаженным страданием, голову подпирали подушки, учащенно дышал, сверху свешивалась пара узких резиновых шлангов, слышалось медленное шипение кислорода. «Пришли?..» – с трудом произнес он и назвал нас поименно...

Больше мы его не видели. Приходили в больницу, стояли во дворе, узнавали как он и уходили.

Шота скончался 29 ноября 1968 года. Стемнело. Ветер, который всю неделю неистовствовал, к утру стих. Удивительное было небо, точно облитое священной миррой. Солнца не было видно, оно пряталось где-то за горой Махати, но как-то сказочно озаряло края облаков, цветом разлитой ртути. Подумал я: не потому ли стих ветер, чтобы душа бедного легко воспарила в небо...

У смерти есть беспорное качество – во весь рост высвечивает личность, помогает понять, кого мы потеряли.

Когда мы возвращались с кладбища, Резо Чеишвили сказал: в одном повезло Шота – место для вечного покоя выбрали ему, какое приличествует его тихой, одинокой жизни.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

С Резо Чеишвили и Эмзаром Квитаишвили. 1950-ые гг.

Шота ЧАНТЛАДЗЕ (1928-1968)
СХОЛИЯ

Нет, не хочу себе имени и славы! Нет, не хочу лавровых венков! Нет, не нужно, чтобы написали тома о том,

как я писал тома! Не хочу, чтобы написали мою подробную биографию! Нет, не хочу себе имени и славы! Я хочу схолию! Схолия... как она греет. Схолия... Как приятно трогает мое сердце. Схолия... напоминает мою комнату (зимой). Схолия... Как напоминает могилу.

Помню, еще ребенком с отвращением я просматри-

Отец - Аниани Чантладзе Мать - Элисо Хухунашвили-Чантладзе

вал учебники и как радовался, заметив в конце слова знак схолии, с каким удовольствием читал эти примечания к тексту, с каким удовольствием перечитывал вновь. Всегда был уверен, что в схолиях записаны более значительные новости, чем вверху. Я любил схолии, наверное, потому что читать их было необязательно. Я иногда не знал урока. Я всегда знал схолию.

Ах, как прекрасна схолия! Выше мудрость и значительность. Выше важные переживания, а в схолии тепло и покой, но как в могиле, и только чуточку страшно, что обвалится свод схолии и на твою голову обрушится огонь и тревожные новости, которые пребывающий здесь считает несущественными. Ах, как прекрасна схолия! Когда умру, мой прах будет помещен в могилу подобной схолии, а мое имя – в схолии, ее же напоминающей.

Века текут медленно и спокойно – туда, где кончается время. Годы ускоренным шагом идут к столетиям. Дни и ночи бегут, сломя голову, к годам. Часы плывут к дням и ночам. Минуты валяются в кучу. Секунды задыхаются от смеха и исчезают. Грохочут мировые новости. Грохочут имена и дела великих людей. Кафедры устанут и доценты напрягаются. Ищут новое. Один из них даже сделал «открытие». Обратил свой взор на схолию и прочитал: Ш.Чантладзе. Извлек из схолии забытое имя. Как персональный пенсионер, что поднял из подвала припасенные дрова, когда первый снег припорошил город. Как малое дитя, взял на руки дрова. Сам с широко раскрытыми глазами. Шапку-ушанку сдвинул набок, и на него с любовью смотрят из окна толстая жена и свиначья ляжка. Так молодой доцент – надежда кафедры – извлек Ш.Чантладзе из схолии. Ты не хочешь выходить из схолии. Ты хочешь крикнуть, что молодой доцент – надежда кафедры – лжет. Ты хочешь крикнуть, но не можешь. Доцент чувствует твоё возмущение и улыбается. Несколько минут, и доценту единогласно присужда-

ют степень доктора. Тебя возвращают в схолию, твою могилу, где острее ощущения, и ты думаешь: «Ах, как прекрасна схолия!»

О, с каким удовольствием вздрагиваю в могиле, когда малые и неусидчивые дети с умным видом читают биографию великого человека, в которой, возможно, будет записано: – великий писатель Г. Тухарели в 19... году встретился с одним писателем. Поговорил с ним и оказал на него влияние. Потом тот же ребенок обратит внимание на схолию и прочитает: «Здесь речь идет о малоизвестном грузинском писателе Ш.Чантладзе. Жил и творил в XX веке. В 1982 году его убили в Париже. Его убила женщина, с которой он имел тайные отношения. Это убийство вообще покрыто мраком». Я сейчас вижу широко раскрытые глаза того ребенка, исполненные тайны и любопытства. Я вижу, как ребенок отложил учебники, как одел выцветшее пальто, как задел ногой игрушечную лошадку младшего брата и опрокинул ее, и никто этого не увидел и не заметил, как вышел он из комнаты, как перебежала ему дорогу черная кошка и он не обратил внимание на приветствие знакомого, как пересек улицу в неположенном месте и как не оштрафовал его милиционер, заметив глубоко задумавшегося; он вошел в библиотеку и просмотрел каталог, и написал роман Ш.Чантладзе «Проспект в Берлине и переулочек в Париже», с каким интересом приступил к его чтению так, что не заметил, как закрыл локтем место в газете, где был помещен некролог с фотографией молодого доцента – надежды кафедры. Как освободили газету из-под его локтя.

Ах, как прекрасна схолия! Но кто меня ею удостоит. У меня будут имя и слава! Мне посвятят лавровые венки. Напишут тома о том, как я писал тома. Напишут мою подробную биографию. Ах, как прекрасна схолия! Но кто меня ею удостоит.

Граждане! Знакомые мои! Мужчины и женщины! Чье существование обозначено только в домовых книгах и которые жаждут прославиться в книгах и не удостоились этого за свои труд и заслуги. Я заявляю вам: тебе благородный юноша, что ходишь зимой без шапки, поскольку шапку тебе заменяют волосы и летом шапкой носишь волосы, тебе который в трамвае уступаешь место совершенно незнакомому человеку и потом, встретив, приветствуешь с улыбкой; тебе, высокий милиционер, который не позволил себе оштрафовать меня и который готов, если я позволю, потратить со мной всю свою зарплату; ты, гражданин, который в два часа ночи охотно дал мне дорогую папиросу. Вам, девушка, которую я в летнюю скучную ночь осыпал жгучими поцелуями, на что вы отвечали нежным лобзанием.

Все вы и многие другие, кого знаю по добрым делам и с улыбкой встречаю, всем вам, кто хочет попасть в книгу и стремится добиться этого своим трудом и подвигами, всем вам объявляю: – Я помещу вас в схолию...

Ах, как прекрасна схолия! Но кто удостоит меня этого (хотя бы потому, что я написал «Схолию»).

Ах, как прекрасна «Схолия».

1957

МОЯ НАСТОЛЬНАЯ КНИГА

Этот город для меня – книга,
Толстенная, эпохальная и обидная.
Эта книга отпечатана на высококачественном
Асфальте;
Проспект – одна часть этой книги, –
Эта книга состоит из трех частей,
Улица – глава этой книги, –
Эта книга состоит из множества глав,
Переулочек – подзаголовок этой книги,
Эта книга состоит из множества подзаголовков.
Тупик – эпиграф этой книги, –
Эта книга состоит из множества эпиграфов.

Площади – свободные места этой книги.
Сады – украшение глав этой книги.
Эта книга состоит приблизительно из 700 000 строк.
Эти строки не связаны ритмом друг с другом,
Но с жесткой необходимостью
Связаны друг с другом.
Невидимый автор этой книги ежедневно стирает
Строки,
Целые главы, подзаголовки, эпиграфы и пишет новые.
Он пишет крайне медленно и действует на нервы.
Люди – строки этой книги.
Помню, малым ребенком ходил я в этом городе
И читал глазами этот город,
Медленно и останавливаясь,
Как по строкам «Дэда эна» медленно и
Останавливаясь
Водил пальцами.
Бог наказал мне ежедневно читать эту книгу,
И теперь я знаю ее наизусть,
И все же начинаю читать ее с начала,
Поверхностным взглядом скольжу по городу;
Мне сейчас не надо для его чтения
Перебирать ногами, как пальцами.
Я могу сидя дома пересказать эту книгу наизусть;
Я так и поступаю мысленно временами.
Вы знаете, что написано в этой книге?!
Эта книга начинается тем,
Что настало скучное утро и началась жизнь.
Что в этом городе нет радости,
Что в этом городе нет печали,
Что в этом городе нет любви,
Что в этом городе нет ненависти,
Что в этом городе нет смерти,
Что в этом городе есть большая, очень большая,
Огромная одинокая скука,
Которая невидимыми нитями
Связана со стрелками часов.
Эта книга заканчивается тем,
Что прошел скучный день
И наступила скучная ночь.
Напоследок отеческое наставление автора:
Отправимся домой и поспим –
Для восстановления сил,
Поскольку завтра придется читать эту книгу заново.
Кто написал эту мучительную книгу?
Кто невидимый автор этой книги?
Кто бы он ни был – неважно,
Я знаю – он сам страдает,
Он страдает в каждой строке этой книги,
Его сердце мучительно бьется,
Этим биением сердца дышит каждая строка,
Это дыхание зовется жизнью этого города.
Бог наказал мне ежедневно читать эту книгу.
Эта книга – моя настольная книга.

29 ноября 1958

Как усталый осенний лист,
Как усталая деревянная скамья,
Как усталое ожидание – приди, снег!
Как устал от проказы прокаженный, –
Так устал я...
Как устали сорок лет
И капли фонтана в бассейне,
Как устали змея у бассейна
И стук часов в мировом шуме, –
Так устал я...
Как наполняется струей родник,
Наполняюсь!..

26 мая 1963
Перевел Арсен ЕРЕМЯН

49

«СЧАСТЛИВ ТОТ, У КОГО ЗА РОДИНУ БЬЕТСЯ СЕРДЦЕ»

Анна Антоновская

В Москве на Новодевичьем кладбище есть могильная плита с изображением щита Георгия Саакадзе – Великого Моурави и начертанным девизом: «Счастлив тот, у кого за Родину бьется сердце». Это могила писательницы Анны Арнольдовны Антоновской.

Невольно задумаешься о том, что побудило писательницу посвятить почти сорокалетний интенсивный и вдохновенный творческий труд созданию исторического романа «Великий Моурави».

Анна Антоновская родилась 31 декабря 1885 года (13 января 1886 года) в г.Тифлисе в семье художника-гравера А.А.Венжера. Детство и юность провела в Закавказье, в Восточной и Западной Грузии, жила в городах Карсской области. Рано потеряла отца. Материальная необеспеченность семьи вынудила Анну прервать учебу в Мариинском женском училище (г.Карс, позднее она сдала экзамены экстерном) и с 14 лет пойти работать кассиром в магазин по продаже швейных машин.

Но творческая натура искала выхода: в 1902 – 1904 гг. Анна выступала в качестве актрисы – любительницы на сцене Авчальской аудитории (Тифлис) – культурном центре главных железнодорожных мастерских, начала писать стихи. «...Плети венок моих несчетных линий./ Цвети, Земля, пока я не угас!/ Испепелив твой лик в последний час./ Я захохочу, – тебя задушит иней...»

Большим увлечением Анны стал интерес к истории, этнографии, мифологии и фольклору Грузии, который становится постоянным и всеопределяющим, она много путешествует.

Во время одного из путешествий по Грузии, в 1908 году, осматривая знаменитый Сафарский монастырь (Месхети, Южная Грузия), А.Антоновская впервые услышала имя легендарного героя грузинской истории. Убеленный сединами местный крестьянин увлекательно рассказал молодой посетительнице старинного монастыря о подвигах Великого Моурави, самоотверженно защищавшего жизнь и свободу Грузии, погибшего в неравной борьбе с иноземными и внутренними врагами родины и оставившего своими доблестными делами неизгладимый след в памяти народа.

Рассказ старца произвел огромное впечатление на А.Антоновскую. С тех пор она стала собирать в разных

краях Грузии предания и народные сказания о Георгии Саакадзе, досконально изучает многочисленные исторические документы, архивные материалы, старинные рукописи, летописи, труды грузинских, армянских, иранских, турецких и иных историков, описания французских и итальянских путешественников, миссионеров, купцов, дипломатов, что только относилось к Георгию Саакадзе, к эпохе его жизни и деятельности. В результате длительного и кропотливого изучения столь громадного и разнородного материала, истории не только Грузии, но и соседних государств - России, Ирана и Турции, у писательницы сложилась определенная историческая концепция, созрел ясный творческий замысел, накопился арсенал изобразительных средств для задуманного исторического полотна. Тщательное изучение грузинской литературы, памятников материальной культуры, архитектуры старинных монастырей и замков, фресок, орнаментов и миниатюр помогло писательнице выработать ясное представление о духе времени, о материальном облике эпохи, о ее людях - персонажах будущего произведения.

В 1909 году Антоновская окончила в Тифлисе курсы художественно-прикладных искусств, успешно занималась металлопластикой, выжиганием по дереву, эмалью, гелиоминиатюрами.

Анна продолжает писать стихи, публикует свои произведения в общественно-литературном журнале «Арс» при котором был организован Артистериум.

В деятельности Артистериума принимали участие поэты П.Яшвили, Т.Табидзе, художники Л.Гудиашвили, И.Шарлемань, К.Зданевич, композитор А.Черепнин. Дом Антоновской в старой части Тифлиса посещают грузинские писатели, приехавшие из России И.Эренбург, актеры МХАТа М.Германова, И.Будкевич, А.Перегонец. Этот дом сохранился до наших дней.

Весь этот период Анна тщательно систематизирует материалы эпохи Георгия Саакадзе, консультируется с историками.

Овладев всем этим материалом, в 1922 году, когда семья Антоновских переехала на постоянное жительство в Москву, писательница вплотную приступила к работе над романом. В последующие годы она никогда не прерывала непосредственных связей с Грузией. До

самого завершения эпопеи она вновь и вновь приезжала сюда, чтобы освежить в памяти ощущение географического фона изображаемых событий, картин природы, колорита и очертания мест, связанных с историей жизни Георгия Саакадзе.

Большую помощь в исторической консультации оказывает ей академик И.А.Джавахишвили.

В 1929 году первая книга эпопеи была уже написана. В печати стали появляться ее отдельные главы, вызвавшие большой интерес общественности. Обсуждение рукописи среди грузинских писателей и ученых-специалистов проходило в обстановке острого обмена мнениями, помогавшего автору проверить, уточнить и доработать отдельные разделы своего повествования. Поощряемая одобрением и поддержкой грузинской литературной и научной общественности, писательница все интенсивнее отдавалась своей напряженной творческой работе.

В 1937 году издательство «Заря Востока» выпустило в свет первую книгу, а в 1940 году - вторую книгу «Великого Моурави». Успех этих двух книг в широких читательских кругах, одобрительные отзывы центральной прессы, литературной критики побудили московские издательства переиздать выпущенные в Тбилиси первые две книги и продолжать издание последующих частей романа параллельно с «Зарей Востока». В период Великой Отечественной войны писательница подготовила для Воениздата сокращенный, однотомный вариант романа.

В процессе работы над романом, рассчитанным вначале на два-три тома. А.Антоновская постепенно расширяла его масштабы и объем. В краткой биографии писательницы, помещенной в третьей книге («Советский писатель», 1949 г.), читаем: «Одновременно А.Антоновская работает над заключительной, четвертой книгой «Великого Моурави». На самом же деле ключевой оказалась не четвертая и даже не пятая, а шестая книга (девятая и десятая части) эпопеи, вышедшие в свет в 1958 году. Многолетний творческий труд писательницы завершен.

Перед взором читателя уже в окончательно завершенном виде стоит монументальный образ Георгия Саакадзе со своей исключительно сложной биографией, полной блистательных подвигов и тягчайших испытаний. Художественно воспроизведенная история жизни, борьбы и деятельности этого выдающегося человека показана в неразрывной связи с историческими судьбами его народа. И сейчас мы имеем полную возможность иметь суждение об исторической правдивости этого произведения, о правильности исторической концепции писательницы, ее трактовки личности Георгия Саакадзе и связанных с его деятельностью событий, о художественном уровне романа, о профессиональном мастерстве Антоновской.

Следует с признательностью отметить большое и весьма ценное участие в создании эпопеи «Великий Моурави» и сына А.Антоновской - поэта Бориса Черного. Перу Б.Черного принадлежит весь стихотворный текст, которым обильно насыщена речевая ткань повествования. Стихи, созданные на основе памятников грузинского и русского поэтического фольклора, органически включены в ход изображаемых в романе событий и в значительной мере расширяют его выразительные средства.

В 1942 – 1943 гг. по сценарию Антоновской (в соавторстве с Б.Черным) Тбилисская киностудия выпустила на экран двухсерийный фильм «Георгий Саакадзе» (режиссер М.Чиатурели). Главную роль блестяще исполнил Акакий Хорава. Фильм был удостоен Государственной премии СССР.

Сама А.Антоновская награждена орденом Трудо-

вого Красного Знамени. В одной из своих статей она следующим образом характеризует духовные качества грузинского народа: «В силу исторических судеб своей страны с глубокой древности грузин не выпускал из своих рук меч, защищая солнцеликую Грузию. И этот раскаленный в пламенных битвах меч отточил перо поэта, натянул струны чонгури и наложил краски на палитру художника».

Роман «Великий Моурави» многократно переиздавался. Тесный творческий контакт связал Антоновскую с переводчиком романа на грузинский язык А.Чумбадзе. В 1966 году в свой последний приезд в Тбилиси, А.Антоновская участвовала в праздновании 800-летия Шота Руставели. Газета «Вечерний Тбилиси» публикует ее эссе «Миджур из Месхети (Шота Руставели)».

Писательница продолжает много работать: собирает

Кадры из фильма «Георгий Саакадзе»

исторические материалы эпохи Ираклия II, выпускает книгу «Документальные новеллы о Грузии», приступает к работе над автобиографической книгой «Признание».

Но, к сожалению, смерть оборвала эти замыслы, многое осталось незавершенным. К написанию этой статьи меня навели мои детские воспоминания. Мой дед по материнской линии Николоз Месхишвили был помощником оператора фильма «Георгий Саакадзе». Все мое детство прошло в рассказах о том, как снимался фильм, о главном герое, о самом произведении, о том, как трепетно А.Антоновская относилась к экранизации своего романа.

В нашей семье хранится первая книга романа-эпопеи «Великий Моурави» с дарственной надписью автора моему деду.

Алла БЕЖЕНЦЕВА

НЕПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ

Очень большая удача для артиста – сыграть свою главную роль, но не стать актером одной роли. Николай Караченцов сыграл незабываемые роли и в театре, и в кино. Они на слуху – спектакли «Тиль», «Звезда и смерть Хоакина Мурьетты», «Школа для эмигрантов», «Sorry», фильмы «Старший сын», «Собака на сене», «Приключения Электроника», «Трест, который лопнул», «Батальоны просят огня», «Человек с бульвара Капуцинов», «Цирк сгорел, и клоуны разбежались»... Но, конечно, его звездная роль – это граф Николай Петрович Резанов в легендарном спектакле «Юнона» и «Авось!»

Премьера состоялась 9 июля 1981 года. Советский Союз обомлел, а западная пресса среагировала так, как будто, по замечанию Марка Захарова, дали премьеру не в Москве, а на Бродвее.

Ленком привез этот спектакль в Тбилиси в 1987 году. Нам казалось, что мы были неплохо подготовлены, прочитав поэму Андрея Вознесенского «Авось!» и послушав рок-оперу Алексея Рыбникова, выпущенную «Мелодией». И тем не менее для искушенного и вообще видавшего виды грузинского зрителя спектакль стал «бомбой». Потрясенные зрители покидали Большой концертный зал, не в силах перекинуться и парой слов, потому что слов не было. «Две души, несущихся в пространстве Полтораста одиноких лет... Аллилуйя любви...», - только и звучало в душе...

В этом спектакле все дышало свежестью и новизной. Он был прекрасен. Режиссер Марк Захаров, хореограф Владимир Васильев, художник Олег Шейнцис придумали незабываемое зрелище. Ярко сыграл Абдулов, пронзительно-трогательной смотрелась Шанина... Но магнетическим центром спектакля был Николай Караченцов.

Вообще, Захаров определяет степень одаренности артиста по тому, насколько сильна его энергетика, на-

сколько он может овладеть вниманием зала, не говоря ни слова, просто присутствуя на сцене. У Караченцова эта харизматическая власть над зрительным залом была всегда. И придя в Ленком, режиссер дал ему главную роль в спектакле «Тиль», спектакле, с которого началась слава и режиссера Захарова, и артиста Караченцова, и драматурга Горина.

В актерскую игру в принципе Караченцов принес редкое сочетание яркого, четкого актерского рисунка, безудержной щедрости выразительных средств и живой, обаятельной естественности. Но главной чертой его мастерства остается энергетика, магнетизм. Марк Захаров рассказывал, что как-то одна фирма из Петербурга обратилась к нему с просьбой привезти к ним на праздник звезд – Караченцова, Чурикову, Абдулова... «Что мы должны делать?», - спросил режиссер. «А ничего. Мы накроем стол, пусть артисты едят, отдыхают, а мы будем смотреть». «Вот это и есть идеальный театр, - резюмировал Захаров. - Артист просто живет, а вы просто не можете отвести от него взгляд».

Почти сразу стало понятно, что Караченцов – исключительно универсальный артист. Это действительно редкость, когда артист одновременно профессионально играет, поет и танцует. Именно Караченцов стал председателем жюри конкурса актерской песни имени Андрея Миронова. Он отважно перепел легендарную мироновскую песню «Белеет мой парус...» и внес в нее свою драматургию – Караченцов спел об актерской судьбе: «Моих грехов разбор оставьте до поры. Вы оцените красоту игры!»

Пластичность и смелость артиста стали притчей во языцех. Караченцов работает без дублеров. Например, на съемках фильма «Человек с бульвара Капуцинов» его герой должен был проделать очень сложный трюк – из положения стоя подпрыгнуть, обхватить ногами за шею противника, перевернуться в воздухе и упасть на руки, повалив противника своим обхватом. Каскадер был готов проделать трюк, но режиссеру хотелось, чтобы это сделал артист. «Не сможет актер такое проделать», - уверял каскадер, но на всякий случай спросил: «А кто играет-то?» - «Караченцов» - «Ну, этот сможет». И Караченцов действительно этот уникальный фортель сделал сам. А в 55 лет он умудрился освоить степ и танцевать на равных с молодыми.

Николай Караченцов очень верный человек, поэтому его биография канонически строга и небогата событиями. Он женат впервые и единожды. Ленком его первый и единственный театр. Захаров – главный режиссер в его жизни. Кстати, Караченцов попал в Ленком в результате беспрецедентного случая: в 1967 году, впервые за всю историю существования школы-студии МХАТ, десять ее лучших выпускников были направлены не во МХАТ, как обычно, а в театр Ленинского комсомола, где на тот момент, в связи с уходом Анатолия Эфроса, сложилась катастрофическая ситуация недобора актерского состава. Так Николай Караченцов стал актером Ленкома и за 30 лет творчества ни разу ему не изменил.

Ужасная авария в марте 2005 года могла окончиться гибелью артиста. Он очень спешил в тот день – в семье произошло несчастье, скончалась мать его жены. Караченцов на гололеде не справился с управлением и его «Фольксваген-Пассат» врезался в мачту городского освещения. По трагической случайности не сработала подушка безопасности...

Но, по счастью, после тяжелейшей травмы Караченцов остался жив и вышел из 26-дневной комы, сохранив здоровье рассудка. Пока что артист вне профессии. Сегодня Караченцов равен своей славе. Он – это то, что им сделано, сыграно, спето за многие годы работы.

«Мне надо спешить, потому что жизнь очень коротка», - сказал он мне в одном из интервью. - Я хочу успеть сделать все, что мне отпущено судьбой». Трудно согласиться с этими словами. Его жизнь в искусстве – долгая, как и положено большому таланту. И пусть она продлится еще. Залогом тому – наша любовь.

Нина ШАДУРИ

Из России

Дорогие друзья!
От всей души поздравляем вас с юбилеем журнала «Русский клуб».

Ваша благородная, подвижническая, по-настоящему творческая работа, направленная на поддержание и укрепление традиционно дружеских связей между народами Грузии и России, между нашими братскими культурами вызывает у нас благодарное восхищение.

Почва многовекового русско-грузинского и грузинско-русского сотрудничества жива и плодотворна, несмотря на всякие временные политические невзгоды, но ее нужно ежедневно возделывать, чем вы и занимаетесь, не щадя сил.

Мы высоко ценим ваш Союз и его печатный орган в качестве идейного союзника, целенаправленно стараясь и сами – журнальными публикациями, издаваемыми книгами (рубрика «Россия и Кавказ»; книжная серия, посвященная российско-кавказским – в том числе и российско-грузинским – отношениям) – способствовать взаимопониманию между нашими народами и – Бог даст – правительствами.

Не менее ценна и значимость вашего Союза и журнала для русскоговорящей общины Грузии, что нам хорошо件нятно: наши авторы и читатели живут в самых разнообразных странах ближнего и дальнего зарубежья.

Успехов вам!

Редакция журнала «Звезда»
А.Ю.АРЬЕВ, Я.А.ГОРДИН, Е.Ю.КАМИНСКИЙ,
И.А.МУРАВЬЕВА, А.А.ПУРИН

Из Великобритании

Николай Николаевич Свентицкий поражает своими чрезвычайно успешными усилиями в патриотической деятельности на труднейшем фронте русской культуры в Тбилиси. Ему не только блестяще удается в эти сложные времена поддерживать высокий уровень русского театра, но и также ежемесячно издавать журнал «Русский клуб», чье содержание насыщено существенными статьями передовых деятелей культуры нашего времени.

Кланяюсь Николаю Николаевичу, как самураю, на 90 градусов, и желаю успехов журналу «РК» на многие лета.

Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Из Израиля

Есть недалёковидные политики, которым хотелось бы осложнить отношения грузинского и российских народов. В связи с этим цементирующая сила давней дружбы этих народов, которую представляет собой журнал «Русский клуб», приобретает особое значение. Я, находясь в Израиле, просматриваю его с удовольствием и поэтому рад поздравить это значимое издание с выходом 50-го номера. Надеюсь, что его авторитет не померкнет, а, наоборот, будет набирать обороты.

Считаю уместным вспомнить, что недавно ушедшая русская актриса Наталья Бурмистрова, отдавшая всю свою творческую жизнь Тбилисскому театру им. Грибоедова, была моей землячкой (мы оба из белорусского города Борисова), и я, хотя и изредка, но всегда с интересом с нею перезванивался.

Добавлю также, что такие личности как Руставели, Чабукиани, Махарадзе, Закариадзе, Соткилава, Бреговдзе, Гвердцители, Кикабидзе никогда не исчезнут из числа наших кумиров.

Александр РОЗЕНБЛЮМ

Из Тбилиси

У журнала «Русский клуб» очень важная миссия, особенно в нынешние времена!

Мы желаем этому журналу, его основателям мужества, чтобы донести правду до читателей о жизни и творчестве народа, чья культура многие века была неразрывно связана с русской культурой.

Успехов вам!

Рамаз и Наталия ЧХИКВАДЗЕ

Airzena

fly with us with **Electronic** TICKETS now!

www.airzena.com

Из Армении

Подвижническая творческая и организаторская деятельность журнала Русский клуб не может не вызывать огромного уважения читателей к редакции и работникам этого удивительного издания. Вне границ политической конъюнктуры и целесообразности вы неустанно осуществляете благороднейшую работу по единению народов многонациональной Грузии, по сохранению и укреплению традиционных богатых грузинско-российских гуманитарных связей. Народная дипломатия выступает основным рефреном вашего журнала, и, не сомневаюсь, что ваши публикации и проводимые мероприятия, направленные на дружбу и консолидацию людей доброй воли, дадут добрые всходы взаимного доверия и уважения.

Мои наилучшие пожелания в вашей самоотверженной работе.

Рузан САРГСЯН

Из Белоруссии

Уважаемые коллеги!

Поздравляю вас со знаменательным событием в вашей жизни – юбилеем замечательного журнала «Русский клуб»!

Работа вашей редакции, редколлегии и авторов, печатающихся в журнале, – это творчество, наполненное мудростью, светом и чистотой. Профессионально сильные, психологически убедительные материалы волнуют сердце и дают пищу для ума. Без заискивания и реверансов перед читателями вы глубоко и искренне размышляете о жизни и любви, культуре и духовности, проходя сквозь пласты времени и показывая фрагменты судеб, всегда неповторимых, уникальных.

В то же время вы даете духовные ориентиры другим людям, уделяете огромное внимание тому, чтобы ваши статьи несли в мир добро. Ведь «что посеешь – то и пожнешь», и только путь добра – истинен и единственно верен.

Ко всему прозаически сказанному добавлю несколько поэтических строк:

Хоть правила жизни меняем,
Пред Истиной падаем ниц.
Коль правдою мы полиняем,
То нам не сойти со страниц.

Хоть время нас сделает глуше,
Но кто-то живой, не спеша,
Вновь будет читать наши души -
И нас на ходу воскрешать.

Мы сбудемся снова и снова,
В печатный уйдя чернозем, -
В ответе за каждое слово,
Которое произнесем.

Валентина ПОЛИКАНИНА

Из Азербайджана

Перелистываю красиво оформленные глянцевые страницы журнала «Русский клуб» и впервые за последнее время наслаждаюсь эстетизмом и одухотворенностью, которыми веет от них.

Спасибо редакции за столь интересное общественно-художественное издание. Мне как учителю русского языка и литературы особенно интересны были статьи о великих русских писателях Н.Гоголе, Л.Толстом, В.Маяковском, М.Булгакове. Много интересных фактов их биографий, связанных с Грузией. Понравились умные и оригинальные статьи ваших авторов, интервью и беседы с деятелями науки и культуры.

Разнообразие тем, актуальность и злободневность вопросов, затрагиваемых в вашем издании, сразу же находят отклик в читательских сердцах благодаря искренности и открытости ваших корреспондентов. Читая их статьи, я еще раз убедилась, что нет и не может быть ни политических, ни экономических границ для культуры, литературы, порядочности, человеколюбия.

Я думаю, может не случайно, журнал «Русский клуб» так близок мне. Ведь моя малая родина – г.Ткварчели, что в Абхазии. Правда, большую часть своей жизни я прожила в Азербайджане. Сейчас живу в г.Мингечовире и работаю в средней школе им.М.Гусейнзаде.

Эльмира ХАНЛАРОВА

ФОНД РУССКИЙ МИР

www.ruskiymir.ru